

метка
Элис Бродвей

Элис Бродвей

Метка

Серия «Книги на коже», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64237821

Бродвей Э. Метка : роман: ООО «Издательство Робинс»; Москва; 2018

ISBN 978-5-4366-0476-3

Аннотация

Это история об обществе, где люди не боятся быть теми, кем они являются на самом деле. Точнее, кем их заставляют быть, ведь каждый обязан отмечать все важные события своей жизни метками на коже, чтобы любой смог «прочитать» их. История о том, что не иметь татуировок – это преступление. История о любви, неподвластной законам, и верной дружбе, о предательстве и обмане, которые разрушают человеческие судьбы, и ещё о магии, спасительной и пугающей...

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	39
Глава четвёртая	44
Глава пятая	56
Глава шестая	62
Глава седьмая	72
Глава восьмая	88
Глава девятая	94
Глава десятая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Элис Бродвей

Метка

Alice Broadway
Ink

Scholastic Children's Books An imprint of Scholastic Ltd
Euston House, 24 Eversholt Street, London, NW1 1DB, UK
Registered office: Westfield Road, Southam, Warwickshire,
CV47 0RA SCHOLASTIC and associated logos are trademarks
and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

First published in the UK by Scholastic Ltd, 2017

Text © Alice Broadway, 2017

The right of Alice Broadway to be identified as the author of
this work has been asserted by her. All rights reserved.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на рус-
ском языке, 2017

* * *

*Литературной группе INKWELL посвящается
Вы самые лучшие друзья-писатели, каких
только можно пожелать!
Люблю вас всех!*

Глава первая

Первую татуировку мне сделали гораздо позже, чем всем моим друзьям.

Мама очень любит эту историю и рассказывает её, по-моему, даже слишком часто.

В два дня от роду младенец обычно получает знак рожде-

ния, но я тогда заболела, и мама отменила церемонию.

Ей говорили:

– Софи, девочке нужно поставить знак. Как же ты будешь её называть?

Но мама отвечала, что подождёт, пока я поправлюсь, а потом мне дадут имя и сделают татуировку. На шёпот доброжелателей о том, что бывает с младенцами, умершими без первого знака на коже, она внимания не обращала. И целых двадцать дней я оставалась непонятно кем, чистым листом, пока однажды мама не сказала:

– Она будет Леорой.

И я стала Леорой. С тончайшими иглами это имя проникло в мою плоть. Крошечные буквы, которые росли со мной шестнадцать лет.

Мы не боимся смерти. Если знаки хранятся в книге, жизнь продолжается и после смерти. История дней, навсегда запечатлённая на коже, живёт вечно – конечно, если тебя признают достойным. Когда мы выводим на коже слова, рисунки, отмечаем важные события, мы готовим нашу историю к вечности. Наши мёртвые всегда рядом, и, пока живые читают их книги и произносят имена, они живут среди нас.

Книги из кожи родственников есть в каждой семье. У нас

дома хранятся книги моих предков. Можно вдохнуть их аромат, потрогать страницы и прочесть их истории.

Но книгу человека, которого я знала живым, я впервые увидела только после смерти папы.

Нам необыкновенно повезло узнать заранее, что к папе подбирается смерть. У нас было время подготовиться. Мы втирали ему в кожу особое масло, а папа объяснял нам значение всех рисунков и знаков. Он с улыбкой показывал семейное древо на спине и наши имена на нём. Папа был готов к смерти, и кожа его была готова. Я видела, как сдуваются, худеют его сильные руки, а кожа сморщивается, словно кожура перезрелого яблока. Я видела, как сгибается его спина, будто от удара в живот. Вскоре он перестал смотреть на нас: боль застилала ему глаза. Болезнь словно высосала его без остатка, оставив лишь оболочку. Оставив самое важное.

Пытаясь облегчить папины последние дни, друзья и знакомые приносили цветы, угощения. Маленькие подарки, знаки любви папе, когда уже ничем не помочь. Горевали не только мы с мамой – папу ценили очень многие. Кухня встречала нас запахами увядших цветочных лепестков, протухшей воды в вазах, где гнили букеты, овощного рагу, которое мы так и не попробовали. Яд смерти словно проникал по-

всюду. Мама плотнее укутывала отца в одеяла и вытирала пот с его лба. Папу била дрожь, он дышал хрипло, с трудом.

И всё же в тот ясный солнечный день поздней осенью, когда смерть пришла, я была не готова. Во рту ещё горчило от кофе, выпитого на рассвете, когда мама разбудила меня лихорадочным шёпотом:

– Просыпайся, милая! Думаю, ему недолго осталось.

Я поспешила к папиной постели. Его дыхание становилось всё более редким. Мы с мамой склонились к нему и сжали его ладони в своих. Я не знала, какой вздох станет последним, когда наступит тишина, прежде чем папа очнётся на том свете и сделает первый вдох там. Вдруг, с шумом втянув воздух, папа открыл глаза и посмотрел мне прямо в лицо. Его пальцы крепко сжали мои. Высвободив другую руку, он взялся за амулет, который всегда носил на кожаном шнурке на шее. Папа никогда не расставался с этим узким, грубо вырезанным листом с едва намеченными прожилками. Кулон был его неотъемлемой частью, как рисунки на коже.

– Леора, – хрипло выговорил папа, – это тебе. Помни, Леора... Ведь ты не забудешь меня? Пожалуйста, помни обо мне. – На его глазах выступили слёзы, и он умоляюще добавил: – Остерегайся пустых, будь начеку, мой огонёк, моя Леора.

Я кивнула и, всхлипывая, прошептала в ответ:

– Обещаю.

Плотно сжав губы, мама развязала кожаный шнурок, и па-

па протянул мне амулет. Я погладила отполированный кусочек дерева, и по моим щекам скатились слезинки. Папа повернул голову и до самого последнего вздоха смотрел на маму. Он покинул мир живых, слыша мамины слова: «Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя...» – и ощущая ладонью её поцелуи.

И он ушёл. Вот так просто. Солнце потускнело. Свет истинной добродетели покинул мир, где без него стало темнее и холоднее.

Потом пришли бальзамировщики. Окропили тело маслом и благовониями, завернули в синее покрывало и унесли папу, словно короля. Для меня папа всегда был королём. Ещё несколько дней я приходила в его комнату и вдыхала аромат священных благовоний. Если бы только я могла вдохнуть папу по частичке, а потом выдохнуть обратно! Он со смехом вырвался бы на свет, стал самим собой...

К нашей следующей встрече папина жизнь уже превратилась в книгу. Он вернётся домой после церемонии взвешивания, когда его душу признают достойной. А пока увидеть папу разрешалось в музее. Мы вошли туда в янтарных лучах заката. Нам с мамой позволили прийти после закрытия, чтобы побыть с ним без посторонних. В небольшой комнате,

где стоял запах старинной деревянной мебели и благовоний, мы увидели папу в новом образе. Нам принесли небольшой четырёхугольный ящичек, в котором помещалась книга из папиной кожи. Широко раскрыв глаза, мама застыла у моего плеча. Со дня папиной смерти она пребывала в напряжении, то и дело готовая сорваться, будто не охваченная горем, а раздражённая и рассеянная. Иногда она замирала, вглядываясь в пустоту и сжав руки так, что белели костяшки пальцев. Я понемногу вскипала от этой её рассеянности. Откуда у меня силы заботиться о маме? Только не сейчас. Мне была нужна моя спокойная, уверенная в себе мама, которая всегда находит правильные слова.

Мы открыли ящичек, и запах воска и благовоний пронёсся по комнате, словно поднимая тост за папу. Вот он, с нами. Кожа аккуратно развёрнута, некоторые знаки немного съезжились. Мы переворачивали страницы, вновь ощущая шероховатость папиных предплечий, гладкую кожу спины. Каждая неподвижная страница рассказывала его историю. Сначала мама нервничала, но с каждой перевёрнутой страницей к ней возвращалось спокойствие. Обложка получилась из кожи плеч. Здесь наше изображение и знак папиного рождения – его имя, Джоэл Флинт. Хорошее название. Хороший человек. Приятно познакомиться. Мы перевернули страницу и увидели семейное древо, которое было у папы на спине. Здесь можно прочесть историю его семьи – узнать о маме и обо мне, двух девушках, похитивших папино сердце. Я

отыскала своё имя и провела пальцем по буквам, повторяя все изгибы. Некоторых знаков я не видела с детства. Они поблёкли, потускнели от времени.

Мы перевернули страницу. Мама засмеялась и закрыла глаза.

– Отвернись, Леора, не смотри, – заливаясь краской и пряча улыбку, попросила она.

Мне и правда не следовало видеть изысканный и нежный цветок, который когда-то прятался у папы на ягодице. В книге цветок был просто частью папы, но всё же тайной его частью. Это был знак супружества моих родителей. Каждый год цветку прибавляли новые лепестки. Он рос, как росла их любовь. В мамином смехе зазвенели слёзы, и она зажала рот ладонью, словно не давая прорваться горю и вспоминая о поцелуях, которых ей так не хватало.

Мы перевернули страницу.

Глава вторая

На следующее утро мама отпрашивается на работу. Она говорит: пора, надо возвращаться к нормальной жизни или хотя бы понять, что станет для нас нормальным. Для мамы вообще очень важен привычный уклад жизни. У неё всегда было много друзей, она любила хорошие компании, с удовольствием помогала людям. Наверное, ей странно видеть мою тягу к одиночеству. Я тоже выхожу на улицу, но поворачиваю к рынку: сегодня в школе уроков нет. Знаю, пора браться за дело, заниматься, сдавать экзамены. Если я хочу стать чернильщицей, рисовальщицей знаков, – а я так давно и отчаянно этого хочу, – придётся как следует потрудиться и многое навестать.

Иду по тротуару, разорванному кое-где корнями деревьев, и думаю, когда же назначат день взвешивания папиной души. Приготовления, на которые уходит больше всего времени, за месяц со дня папиной смерти уже закончили: кожу сняли, выделали и сшили в книгу. Теперь осталось дожидаться, пока в правительстве прочтут папину книгу и вынесут вердикт, а потом состоится церемония. Я просто хочу, чтобы папа вернулся к нам домой.

На церемонии взвешивания объявляют окончательное решение о судьбе каждой души. Папину книгу изучат и решат, достойно ли он прожил свои дни. Достойные вернуться домой, к семье, чтобы встать рядом с предками, где их книги будут читать и помнить вечно, а их души обретут после смерти покой. Души недостойных сгорят в пламени вместе с

книгой. Никогда не видела, как это происходит, но говорят, что запах горячей кожаной книги врежется в память навсегда. С папой такого не случится. Он прожил прекрасную, достойную жизнь.

Ближе к центру улица сужается, на тротуаре двоим не разминуться. Шагая по пыльной дорожке, украдкой заглядываю в окна выстроившихся рядами неуклюжих разноцветных строений. В детстве я придумывала о таких улицах всякие истории: будто однажды какой-то великан схватил дома и стиснул, сделав их совсем узкими и накрыв шаткими крышами разной высоты. Теперь, заглядывая в квадратные окна с частыми переплётками и воображая, кто там живёт, я придумываю другие истории. Незадёрнутые шторы – словно приглашение к знакомству. Засмотревшись, едва не налетаю на мужчину, обрывающего сухие лепестки герани в оконном ящике. Ступив одной ногой с тротуара, быстро огибаю неожиданное препятствие и вдыхаю горький аромат умирающих цветов.

Иду дальше, мысленно листая папину книгу, и беспокойство постепенно отступает. Как прекрасно было вчера вечером увидеть книгу! Там, в музее, мама очень изменилась. Она так громко вздохнула над последней страницей, что я было встревожилась, но потом заметила, что мама улыбается. И было чему – в папиной книге такая хорошая история! Любая книга повествует о чьей-то жизни. Читатели взвешают добро и зло и решают, достойный ли ты человек. Всё самое

важное навечно записывают на коже, иначе память останется в душе, а никто не хочет, чтобы душа сгибалась от тяжести, будь то груз гордости за добрые дела или вина за проступки. Знаки ставят на телах, чтобы не обременять воспоминаниями души. После смерти помнят только достойных, в ком добро перевесит зло, а душа останется свободной.

Я улыбаюсь при мысли о чистой папиной душе, её не могут не признать достойной. Скорее бы церемония взвешивания.

Папа работал обрядчиком, одним из тех, кто снимает кожу с тел после смерти. Наверное, с его тела кожу осторожно сняли его друзья и передали её дубильщикам. Когда-то папа изо дня в день делал то же самое для их любимых и бессчётного числа незнакомцев.

Моя мама – чтец, она читает знаки. Это не просто работа, скорее – призвание. Лишь немногим дано безошибочно прочесть значение рисунков на коже, понять их более глубокий смысл. Посмотрев на семейное древо, мама скажет, кого из детей любят больше. По знакам взросления на руке поймёт, какой год выдался для вас самым трудным. Метки сданных экзаменов откроют, честно ли вы готовились к проверке. Чтецами восхищаются, но их и побаиваются. Однажды мама сказала, что у каждого есть тайны, которые хочется скрыть.

Вообще-то тайн у нас быть не должно. В том-то и суть.

У меня тоже есть этот дар. С самого детства я читаю всех вокруг. В первый же день в школе я угодила из-за этого в

историю. Спросила одного мальчика, почему его отец живёт отдельно. Когда мать того одноклассника в ярости заявила к нам узнать, кто о них сплетничает, мама догадалась, что я прочла знаки на коже мальчика. Я и правда хорошо читаю, но работать чтецом не хочу. Мне нравится приоткрывать чужие тайны, видеть кусочки чужих жизней, но иногда я устаю от потока сведений, которые выплёскиваются на меня с кожи каждого встречного. Думаю, что не смогла бы смотреть в искажённые тревогой лица клиентов за столом чтений. Наверное, тяжело сознавать, что изображения на коже откроют чтецу самое сокровенное даже против твоего желания.

Моя мечта – стать чернильницей, рисовать знаки, и я очень надеюсь хорошо сдать экзамены. Оценки у меня нормальные, учёба даётся легко, но я так много пропустила из-за папиной болезни, что впервые волнуюсь – боюсь, не успею всё наверстать.

Чем ближе центр города, тем больше магазинчиков попадает на пути. Пекарня, цветочная лавка, мастерская, куда мы сдаём в починку туфли и сумочки. Пыльная дорога сменяется булыжной мостовой, которая ведёт к главной площади. Там, в самой середине, сияет зеленью лужайка, окружённая каменными и деревянными зданиями. На траве – статуя Святого, самого главного из наших вождей во все времена.

Он стоит в центре бурлящего жизнью города, высокая бронзовая фигура, до пят закутанная в плащ, и смотрит на нас. Мне всегда нравилась его история – мы рассказываем

её снова и снова как напоминание об истинной вере, освобождении души через превращение мёртвых в книги и конечно же о низменных поступках пустых. Из конца в конец площадь пересекают дорожки, по ним прогуливаются люди, разговаривают, ищут местечко присесть и выпить кофе.

На площади ясно чувствуешь, что в Сейнтстоуне самое главное. Всё, что важно здесь, важно и повсюду. Все города в округе полагаются на нас. В Сейнтстоуне заседает правительство, здесь принимают все серьёзные решения. Мне нравится жить в центре событий. Не знаю, как бы я чувствовала себя в маленьком городке, где о тебе всё известно и без знаков.

Иногда ветер приносит на площадь запах дыма из Дворца правосудия. Это большое круглое здание из камня и разноцветного стекла, увенчанное широкой трубой. Внутри всегда горит огонь, из трубы вырываются клубы дыма, застывающие над городом серовато-коричневыми облаками. Там, во Дворце, происходит взвешивание душ, туда мы с мамой пойдём, когда настанет наша очередь произносить имена мёртвых. Там учат законам веры и следят за их выполнением. Во Дворце готовят школьных учителей, ведь наше духовное образование не менее важно, чем достижения в науках.

На другой стороне площади, у меня за спиной, музей, моё самое любимое место в городе. Чтобы войти в дверь, надо преодолеть множество каменных ступенек, окружающих здание. Каменные колонны и сводчатые окна музея уходят

ввысь. Снаружи здание выглядит мрачным и грозным, но внутри светло и уютно. Папа часто водил меня туда. В тёмной нависающей громаде музея меня вдруг пробирает дрожь, и, судорожно сглотнув подступивший к горлу ком, я спешу дальше.

Впереди, за лужайкой, деревьями и скамейками, что-то происходит. Рабочие устанавливают громкоговорители на временной сцене у здания мэрии – огромной угловатой коробки, обрамляющей площадь с двух сторон. Понемногу собираются зрители, оставив скамейки и негромко переговариваясь, подходят ближе. Наверное, какое-то собрание, о котором я забыла.

Бросив взгляд на здания правительства, вдруг вспоминаю, что меня давно не вызывали на чистосердечное признание. Наверное, моя очередь уже скоро. На такие разговоры – признания – приглашают раз в несколько лет. Папа привёл меня на чистосердечное признание в первый раз, когда мне было почти четырнадцать. Тот день встаёт перед глазами яркой вспышкой.

Папа уверял, что беспокоиться не о чем, но всё равно было страшновато. Нам рассказывали об аппарате, который измеряет пульс, температуру и пищит, если соврётся. Я никогда

не видела ничего подобного и вообразила настоящее орудие пытки. В тот раз я была абсолютно уверена, что меня разоблачат. Вспоминала, как обманывала родителей, тайком грызла печенье. Мне даже снились кошмары, где я признавалась в преступлениях, которых не совершала.

Когда нас с отцом провели в небольшую, самую обыкновенную комнату с белыми стенами, меня постигло страшное разочарование. В комнате стояло два стула, деревянный стол и небольшое устройство, похожее на тусклый, выдавший виды металлический шар с лампочкой и торчащими проводами. Нас ждал человек с блокнотом. Он указал мне на стул, приглашая сесть, но папа заметил моё беспокойство и попросил разрешения ответить первым. Он сел, положил левую руку на шар и с улыбкой подмигнул мне, словно говоря: «Ни чуточки не страшно».

Отец отвечал спокойно, не повышая голоса, и машина ничего не сделала. Вопросы оказались совсем несложными, и мне стало легче. Обычные просьбы рассказать о новых знаках и подтвердить, что не совершал преступлений из какого-то списка. Человек за столом время от времени делал пометки в блокноте, потом улыбнулся папе и сказал, что вопросов больше нет.

– Ваша совесть чиста, мистер Флинт. Всё в порядке. – Он снова улыбнулся, будто собираясь пошутить, и посмотрел на меня. – Твоя очередь, – произнёс он. – Не бойся – это не больно.

Я села и сделала глубокий вдох, но, стоило мне дотронуться до шара на столе, как раздался скрежет, и я в ужасе отдёргнула руку.

– Что случилось?

Помню, как чуть не расплакалась, недоверчиво глядя на папу, а он изо всех сил сдерживал улыбку.

– Ничего страшного. Я не успел настроить аппарат. – Человек за столом улыбался.

Папа уже смеялся по-настоящему.

– Быть может, тебе и правда есть что скрывать, Леора, – заметил он.

Ответом ему был мой хмурый взгляд.

В конце концов всё прошло нормально. Мне задали те же вопросы, что и папе, и ещё несколько, специально для подростков, вроде того, не списываю ли я на экзаменах. Аппарат ни разу не нарушил благословенной тишины, а по дороге домой папа угостил меня пирожным, извиняясь за смех и шутки.

Проскользнув между Дворцом правосудия и мэрией, направляюсь к рынку и чувствую, что улыбаюсь. Если бы папа был рядом!

Сегодня прохладно. Первый по-настоящему морозный

день. На прохожих больше одежды, чем обычно. Странно видеть почти полностью закрытые тела: я как будто отрезана от людей, вижу знаки только на лицах и руках встречных. Но это совсем неплохо. Я и сама не очень-то открыта взглядам, и не только потому, что обернула плечи льняной шалью, заколов её слева. Просто иногда – я ни за что не произнесу этого вслух – приятно скрыть свои знаки.

Рынок работает почти каждый день, и я ныряю в скопление полосатых навесов и резких возгласов. Задерживаю дыхание у прилавка мясника. От запаха развешенного на крюках мяса подташнивает. Пробравшись к лавке тканей, делаю глубокий вдох, наслаждаясь терпким ароматом хлопка и пряным – красок. Впитываю разноцветье красителей и представляю, что на выдохе получится радуга. Пробираюсь сквозь толпу, глядя под ноги, выбираю, куда ступить, так проще. Не хочу сегодня слышать обрывки чужих разговоров, и пусть знаки прохожих останутся просто фоном. Хочу думать только о папиных знаках, пока они свежи в памяти.

Иду по запаху и наконец чувствую резкий густой дух овощной лавки. Овощи и фрукты в деревянных ящиках, аппетитные плоды смотрят прямо на покупателей. Лавочник в зелёном, слегка испачканном землёй фартуке улыбается. Он держит бумажный пакет и готов выполнить мой заказ. Рукава у него закатаны до локтей – руки полагается держать открытыми – и я могу кое-что прочесть по знакам. Тридцать шесть лет, неглуп, был лучшим учеником в выпускном клас-

се школы. Мог бы выбрать профессию поинтереснее, но знаки говорят о смерти. С уходом старшего брата его детство оборвалось. Однако, судя по всему, теперь он счастлив, у него своя семья – рисунки на коже говорят о радости, – в его жизни много интересного, кроме яблок и бобов.

Прошу немного репчатого лука и наполняю другой пакет перепачканными землёй картофелинами. В соседнем ящике – морковь, где-то рядом витает свежий аромат помидоров.

– Вы не знаете, что будет на площади? – спрашиваю я. – Ставят сцену, собираются зрители...

Лавочник встряхивает пакет и заворачивает верхушку, крепко держа уголки.

– Ты разве не знаешь? Публичное наложение знака, – отвечает он, взвешивая картошку. В его голосе прорывается тщательно скрываемое волнение и что-то ещё... Неужели страх? – Впервые за столько-то лет!

Я многое пропустила в последнее время: папа занимал все мои мысли. Неуверенно оглядываюсь на площадь. Идти или не стоит? В школе нам рассказывали о публичном наложении знака. Интересно, как это происходит? Расплачиваюсь, подхватываю сумку и вместе с толпой иду на площадь. Кто-то толкает меня плечом, стремясь пробраться вперёд. Голоса всё громче, и чем ближе к площади, тем больше народу пытается туда попасть, посмотреть, что же будет.

Наконец я на месте, у сцены плотная толпа, я – где-то в последних рядах. Женщина рядом кивает мне и склоняется

ближе. Её глаза поблёскивают от возбуждения.

– Говорят, придёт мэр Лонгсайт! – выдыхает она.

Я не слишком интересуюсь политикой, но Дэн Лонгсайт, став мэром полгода назад, никого не оставил равнодушным. Даже мои одноклассники обратили на него внимание. Лонгсайт разительно отличается от череды болтливых стариков, занимавших этот пост до него. Прежде всего он симпатичный, да и гораздо моложе других политиков. Впервые за многие годы люди действительно рады переменам. Помню, как на инаугурации мы с воодушевлением скандировали слова надежды и доверия: «Он добр, он мудр, он лучший из нас. Он не жесток, он любит нас, нам нечего страшиться. Он всё сделает ради нас». Я так верила в эти слова, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Миссис Олдхэм на уроке истории сообщила, что Лонгсайт принёс перемены. Нам, потерянным в неизвестности, перемены были нужны. Когда-то мы знали, кто мы, что защищаем, были уверены в своей силе. Это знание всё больше размывалось с каждым слабым лидером, пока не пришёл Лонгсайт. Его правление вернёт нас к истокам, мы снова станем обществом, где знаки важны, где их сила воспринимается всерьёз, и они действительно могут изменить нашу вечную жизнь. Поэтому мэр Лонгсайт и его последователи носят как можно меньше одежды, показывая, что им нечего скрывать. Всякий может прочесть их знаки и узнать подробности их жизни. Миссис Олдхэм объясняла нам всё это с довольно

смущённым видом. Наверное, она считает, что не все знаки стоит показывать каждому встречному.

Я столько раз видела мэра на экране, столько всего узнала о нём на уроках, что теперь, понимая, что скоро он будет совсем рядом, чувствую, как пробегает по спине холодок волнения. Честно говоря, я рада, что старые мэры не особенно демонстрировали свои взгляды. Смотреть на их кожу вряд ли было бы приятно. Мэр Лонгсайт, судя по тому, что о нём известно, должен быть очень ничего.

Говорят, что он, новое воплощение Святого, пришёл очистить наши сердца и наш мир. Я чувствую, что грядут перемены, перемены к лучшему.

Люди толкаются, пробираясь поближе к сцене. Разговоры не умолкают, всем интересно. В воздухе разлито странное напряжение, долетают обрывки споров, жалобы на отдавленные ноги, в толпу ввинчиваются опоздавшие. По краям помоста, собранного из деревянных щитов, стоят громкоговорители. Сзади и по бокам сцену огораживает плотная чёрная ткань, которая хлопает на ветру. Посередине установлена какая-то деревянная колода. Шум толпы понемногу нарастает, но, когда на сцену выходит высокий темнокожий человек, все стихают, не дожидаясь команды. На мгновение умолкают даже птицы, отдавая мэру дань восхищения. Вновь поднимается приветственный гул, все хлопают и восхищённо кричат, пока Лонгсайт подходит к самому большому микрофону. Он поднимает руки, и гвалт постепенно стихает до бес-

покойного шёпота. Лонгсайт откашливается, от него словно исходит неизъяснимая сила власти. Мэр гораздо выше ростом, чем я думала, такой спокойный, собранный, от него исходит уверенность, словно тёплые лучи солнца. Невероятно – он здесь, совсем рядом.

– Благодарю вас! – говорит Лонгсайт, и на площади воцаряется тишина. – Спасибо, что пришли на это исключительно важное мероприятие. – Его густой, завораживающий голос прорывается даже сквозь искажения микрофонов. Интересно было бы послушать его просто так, без усилителей. – Собраться вместе, встать плечом к плечу – это большая честь. Все вместе – против зла. Последние слова он произносит после короткой паузы.

По толпе пробегает смущённый шёпот, а меня даже в шали пробирает озноб.

– Да, против зла, – повторяет мэр. – Ибо я пришёл сказать то, о чём многие из вас давно подозревали, – настали тёмные времена.

Он умолкает и оглядывает площадь. Из одежды на нём лишь повязка вокруг бёдер, но он словно не чувствует холода. Надо было пробраться поближе к сцене: отсюда мне знаков мэра не прочесть. Как бы я хотела получше рассмотреть изысканные татуировки на его блестящей тёмной коже!

– Мы собрались на церемонию публичного наложения знака, первую за долгие годы. Некоторые из вас, уважаемые старшие члены нашего общества, возможно, когда-то при-

существовали на подобных процедурах. Вы знаете, чего ожидать. Вы помните те времена – куда лучшие времена, не премину заметить. Но остальные лишь читали об этом в учебниках.

Так и есть. Мы действительно проходили наложение знаков, но никто из моих знакомых никогда не видел такого своими глазами.

– Вам известно, как я почитаю наших лидеров, занимавших пост мэра до меня, восхищаюсь ими. Они в... мудрости своей (небольшая пауза прекрасно передаёт истинное значение слов) избрали путь отказа от некоторых традиций. Но время пришло. Время вернуться к истокам. В наши полные опасности дни необходимо вспомнить прошлое, возродить традиции предков.

Мэра прерывают громкие крики восхищения. С широкой улыбкой он поднимает руку, призывая к тишине.

– Друзья мои, слишком долго мы видели, как поистине ужасные преступления выдавали за незначительные проступки. Так больше продолжаться не может! Наказание должно соответствовать тяжести преступления. И хотя сегодня это событие скорее исключительное, необыкновенное, вскоре нанесение знака на площади станет более привычным, пусть и не слишком частым. Публичное нанесение знака – это серьёзное наказание, к нему приговаривают лишь за наиболее гнусные преступления. Однако мы больше не можем притворяться, будто не замечаем пороков нашего обще-

ства.

Снова аплодисменты, и мэр снова вынужден прервать свою речь. Он не ищет одобрения и восхищения зрителей, кажется, что овации его смущают.

– Мы больше не можем позволить себе беспечной жизни. Пустые всегда представляли угрозу нашему обществу. Никто не верил, что после великого изгнания они ушли навсегда. Мы предпочитали верить, что они будут жить мирно, не мешая жить нам. Но сегодня я вынужден объявить, что настало время расплаты за нашу неосмотрительность.

Толпа отзывается на слова мэра шелестом, почти стоном. У меня в груди гулким колоколом бьётся сердце.

– Это правда, у нас есть доказательства: пустые плетут новые заговоры. Они готовы воспользоваться нашей слабостью, проникнуть в наши ряды и поколебать наши сердца и наши принципы. Вы и сами слышали нечто подобное. В рыночной толчее кто-то обронит: «Не все пустые были так уж плохи». Потом знакомый невзначай скажет, мол, пустые – мирные люди, а коллега вдруг посетует, что Указ о выселении пустых был слишком суров. И вы восхищались этими людьми, ведь они рассуждают так здраво, разумно, свободолюбиво и открыто.

Мэр умолкает, давая слушателям осознать сказанное.

– И понемногу, по капле, пропаганда шпионов (о да, у пустых есть самые настоящие шпионы!) проникает в умы. У пустых есть и помощники – мятежники, которые живут сре-

ди нас и с готовностью пересказывают лживые сказки. Нам внушают, что свет доброты согреет наши души. Рассказы о миролюбии пустых убаюкивают любые подозрения, мы думаем, что всё хорошо. Приглашая отдохнуть у огня, пустые нашёптывают о мире и покое, и мы верим, что пришла пора отдохнуть. Но пока мы беззаботно дремлем, мятежники нанесут удар, и огонёк уюта обернётся лесным пожаром, готовым уничтожить нас, уничтожить всё на своём пути.

Лонгсайт обводит толпу горящим взглядом, над площадью разносится его грозный рык:

– Вставайте! Поднимайтесь на битву!

Я застываю, пригвождённая к месту этим криком.

– Мы были слишком доверчивы – и просчитались. Мы слишком охотно поверили в добро, и пустые проникли к нам, чтобы воспользоваться нашей наивностью. Не выйдет!

Оглянувшись, я вижу вокруг потрясённые лица. Такой речи никто не ожидал. Это похоже на боевой клич, на призыв к войне.

– Мы будем готовы! Мы будем внимательны, всегда настороже и не пропустим предателей в наши ряды! Мы вернём чистоту идеалов нашему обществу и станем достойны нашей истории. Время пришло! Согласны?!

Охваченная неистовством, толпа восторженно ревёт, аплодирует, топает ногами, и мэр Лонгсайт подаёт сигнал кому-то невидимому за чёрным занавесом. Потом, дождавшись тишины, склоняет голову, будто в молитве. Долго стоит

неподвижно и вдруг обводит площадь пронзительным взглядом.

– У меня очень важные новости. Пустые готовят восстание. У меня есть доказательства. Для многих это станет ударом, ведь осуждённый жил среди нас и кто-то считал его своим другом. – Лонгсайт резко втягивает воздух и буквально выплёвывает следующие слова: – На прошлой неделе вынесено решение: Коннор Дрю, один из наших уважаемых обрядчиков, тот, кому мы доверяли наших почивших родных, виновен в краже кожи.

По толпе пробегает волна потрясения, и я вздрагиваю вместе со всеми. Я не знакома с Коннором Дрю, быть может, он работал с папой, но от одной мысли, что кто-то может присвоить чужую кожу, мне становится не по себе. Думаю о папе, о том, как важно сохранить каждую частичку его кожи. Без кожи мы ничто: нет ни истории нашей жизни, ни возможности остаться в сердцах любимых после смерти. Какой негодяй осмелится украсть чью-то историю? Зачем?

По знаку мэра двое огромных охранников выводят на сцену осуждённого. Стражи здесь, конечно, чтобы защитить нас от преступника. «Или чтобы защитить его от нас, кто знает», – мелькает непрощеная мысль. Толпа вокруг зловеще гудит. Ноги преступника опутаны цепями, но руки не связаны. Охранники крепко держат его повыше локтей. На преступнике одна набедренная повязка, как у мэра Лонгсайта, только грязная и потрёпанная. Он темнокожий, как и мэр, но

кожа преступника кажется сероватой от усталости и тяжких испытаний.

За мужчинами на сцену поднимается городская рассказчица – Мел. Она ненамного старше меня, но на её коже запечатлена история целого народа, она – воплощение наших устремлений, наших целей. Да, если на церемонию пригласили Мел, дело куда серьёзнее, чем я думала.

– Друзья, вы все знаете нашу историю, знаете, как пустые стремились сломить наш дух. Они уничтожали знаки на коже, чтобы лишить души надежды на вечную жизнь. Тело Коннора Дрю покрыто знаками, но душа его – душа пустого. Как и положено обрядчику, он снимал с тела кожу, но вместо того чтобы сшить все лоскуты в книгу, он присвоил немного себе. Украв лоскут кожи, он украл часть истории, поставил под удар путь другого человека в мир иной, изменил то, каким его будут помнить живые. В результате действий преступника совет не в состоянии справедливо судить душу покойного. Так действуют пустые.

Мэр умолкает, но зрители больше не кричат и не аплодируют: они испуганы.

– Друзья мои, я уверен, что поступок Коннора Дрю не был случайным. Этот человек действовал в сговоре с пустыми с целью поднять восстание. Он сознался во встречах с пустыми. Он работал на них.

– Как он посмел? – слышится в толпе.

– Его поступки – явное свидетельство намерений пустых,

и это только начало. Мы должны бороться. Пустые вернулись, и наши сограждане помогают им красть нашу кожу, наши истории, наши души. На этом они не остановятся. Им нужны не души – им нужно наше полное истребление. Пустые жаждут добраться до наших земель, и они не успокоятся, пока не получат наши города, наши дома, наши очаги. Им нужна наша земля, и остановятся они, только когда ни у кого из нас не останется дома, как не останется и надежды в этом мире.

Женщина рядом со мной всхлипывает. Не хочу плакать, только не здесь, старательно делаю глубокий вдох и, держа голову как можно выше, отгоняю слёзы. Действительно, ходили слухи, что пустые намерены вернуться и разрушить наш мир. Я не хотела в это верить и не верила – до сих пор.

– Вы знаете нашу историю. Все доказательства хранятся в музее. Когда пустые жили среди нас, они уродовали и расчленяли тела, похищая знаки, истории, души. Эти слабые, низкие люди вгрызались в наши тела в надежде сделать нас похожими на себя. Они хотели побороть нашу силу и праведность и захватить нашу землю. Землю, которую нам дал сам Бог, землю, за которую умер наш Святой. Мы никогда этого не допустим! Да свершится правосудие! Коннор Дрю лишь один из них, один из мятежников, и он станет первым, кто понесёт наказание. Друзья мои, всем известно, что возмнивший себя богом должен быть готов ответить за свои поступки. Этот человек хотел изменить чью-то жизнь после

смерти и в ответ теряет своё право на вечность. Он узнает, что значит лишиться будущего.

Я снова оглядываюсь в безмолвной толпе, меня знобит от холода. Человека на сцене сейчас убьют. Убьют прямо здесь, у нас на глазах. Неужели все собрались посмотреть на казнь? Отчаянно пытаюсь вспомнить, что мы проходили в школе о таких церемониях. Не хочу этого видеть! Кто-то кашляет, люди переступают с ноги на ногу и перешёптываются.

Мэр Лонгсайт невозмутимо смотрит на нас. Он знает, что делает, он уверен в собственной правоте. Надо немного успокоиться. Волноваться не о чем. Закрываю глаза и вспоминаю знаки на коже мэра и слова, которые мы говорили при его назначении. Шепчу их про себя, и становится легче. «Он добр, он мудр, он лучший из нас. Он не жесток, он любит нас, нам нечего страшиться. Он всё сделает ради нас». Не о чем беспокоиться. Нечего бояться.

– Подержите его, прошу вас, – мягко и вежливо обращается мэр к охранникам.

Осуждённого принуждают встать на колени и упереться лбом в деревянную колоду. Опускаю взгляд, но слышу, как тот человек стонет и пытается вырваться из сильных рук. По толпе проносится вздох, и я, не удержавшись, смотрю на сцену. Лонгсайт держит в руках небольшой ящичек. Осторожно открывает его и достаёт нож – короткое лезвие блестит, готовое к работе. Расставив ноги, мэр встаёт позади преступника и хватает его за волосы, задирая голову и оголяя безза-

щитную шею. Словно мясник ягнёнка. Не хочу этого видеть, но и глаз отвести не могу.

Нож опускается – на землю падает прядь волос. Будто стригут овцу.

От облегчения у меня вырывается полувсхлип-полусмех. Всё в порядке. Его не убьют.

Женщина рядом со мной оборачивается и резко произносит:

– Нечего смеяться, лучше смотри внимательно! Смотри и запоминай!

Осуждённый плачет. Охранники крепко держат его у колоды, но он словно обмяк, ослабел, его битва проиграна, он отдался на волю судьбы. Лонгсайт снова высоко поднимает нож, и на сцену выходит человек в чёрном. Следом помощники несут табурет и столик с какими-то инструментами. Теперь я знаю, что будет дальше. Лонгсайт вытирает нож и кладёт его на место, а человек в чёрном усаживается на табурет и берёт со столика бритву. Он осторожно бреет пленнику затылок, потом снимает чёрные перчатки, выбрасывает и надевает новые. Вынимает знакомую машинку для татуировок, чем-то смазывает оголённую кожу у линии роста волос и принимается за работу, макая иглу в маленькую чернильницу. Осуждённый стонет, но не двигается: охранники держат крепко.

Впереди, в толпе, что-то происходит. Расталкивая зрителей, какой-то юноша прокладывает себе путь к сцене. Охран-

ники оборачиваются, но юношу кто-то оттаскивает прочь. Я вижу его лицо – бледное от ужаса, очки сбились на сторону, и на мгновение мне кажется, что наши взгляды скрестились.

Мастер работает довольно быстро, но всё-таки от дребезжания машинки тупо звенит в ушах. Накатывает слабость, я стою словно в полусне и смотрю, как человек в чёрном наносит знак. Тишина – машинка выключается, чернильщик встаёт на ноги, возвращает прибор на стол и, почтительно поклонившись мэру, уходит.

Мэр Лонгсайт, отступивший в глубь сцены, пока наносили знак, снова выходит к микрофону.

– Друзья мои, на ваших глазах свершилось правосудие. Мы великодушны – этот человек останется жить среди нас. Волосы отрастут и скроют знак. Но сегодня осуждённого отметили знаком Забвения.

Последнее слово пронзает мой застывший разум. Знак Забвения?

– После смерти знак откроют, преступнику вынесут приговор и уничтожат его книгу в пламени во Дворце правосудия.

Как можно жить, получив знак Забвения? Как жить, зная, что всё бессмысленно, что тебя ждут лишь смерть и небытие? Я всей душой надеюсь удостоиться памяти потомков – ради этого мы и живём. Только что на моих глазах надежду человека на вечность зачеркнули чёрными чернилами.

Забывтый.

Слово звенит в голове, словно колокольчик, напоминая о чём-то спрятанном в глубине памяти.

– Друзья, пусть эта церемония вдохновит каждого жить достойно, исполняя своё предназначение. Станем жить достойно, чтобы нас помнили. Станем помнить о возмездии.

По толпе пробегает шёпот, перерастая в сдерживаемый рёв. Люди кричат, снова и снова скандируют:

– Ворон! Ворон! Это знак вёрона!

Знак Забвения. Я вспомнила. Я всё вспомнила.

Стон осуждённого сливается с моим, и я бросаюсь домой. Сумка с луковицами бьёт по ноге, под ногтями въелась грязь от картошки.

Ворон! Ворон! Это знак вёрона!

Глава третья

Я бегу через площадь мимо Дворца правосудия и музея и пытаюсь вызвать в памяти папину книгу, страницы которой я листала совсем недавно, вспомнить каждое событие его жизни. Уворачиваясь от встречных, мельком читаю их знаки.

Четырнадцать лет, любит музыку, терпеть не может родную сестру.

Обожает любовницу, врёт жене.

Предпочитает дружить с собакой, а не с людьми.

Пятьдесят шесть лет, но чувствует себя на все восемьдесят: замучили болезни.

Пекарня остаётся позади, я спешу домой, подальше от шума, от какофонии знаков, от хриплого карканья голосов.

В голове всё жужжит и жужжит татуировочная машинка. Знак ворона. Я совсем забыла о том дне, а вот сейчас вспомнила...

Мне было лет восемь, не больше, – совсем кроха. День клонился к вечеру, мы ждали папу с работы. Я играла на втором этаже, когда раздался стук в дверь, громкие голоса, а потом дверь хлопнула. Я спустилась на кухню спросить, кто приходил, и обнаружила, что первый раз в жизни осталась одна. Открыла входную дверь и выглянула на улицу – вдалеке алела знакомая шаль. Мама шла очень быстро, мужчина

рядом с ней то и дело переходил на бег, чтобы не отстать. Я знала, что оставаться дома без взрослых нельзя, и поспешила за мамой, предоставив двери захлопнуться за спиной. Я почти догнала их у поворота к мастерским обрядчиков, где работал папа. Я так и шла сзади, немного поодаль, иногда порываясь крикнуть: «Мама! Мамочка! Я здесь! Ты обо мне забыла?» Но мои губы застыли, и голос отказывался повиноваться.

У стены обшарпанного склада с металлической крышей, склонившись над чем-то, стояли люди. Они расступились, давая маме пройти, и чей-то взволнованный голос произнёс:

– Несчастный случай. Ничего страшного. Гроб соскользнул и попал ему по голове. Как раз новую партию разгружали...

Мама прошла мимо, не обращая внимания на слова. В образовавшийся проход я увидела папу. Он сидел на земле, а кто-то придерживал ему голову, приложив к затылку сложенный в несколько раз кусок ткани. Импровизированная повязка покраснела, папины волосы были влажными. Он открыл глаза и протянул маме руку.

– Всё нормально, милая. Просто ударился. Не беспокой доктора, я отдохну – и всё пройдёт, – поморщившись, проговорил он.

– Ох, Джоэл! Что ты натворил! – В мамином голосе слышались нотки раздражения, не испуга, и я поняла, что с папой всё в порядке.

– Несчастный случай. Никто не виноват. Жить будет, – произнёс кто-то.

Решив, что попадаться родителям на глаза не время, я стремглав помчалась домой. Когда я выбежала за мамой, дверь захлопнулась, но я отыскала полуоткрытое окно и пробралась внутрь.

Мама с папой вернулись только в сумерках. С ними пришла Джулия, мама Вэрити, моей лучшей подруги.

– Я сегодня посплю здесь, – зевая, сказал отец.

Мама устроила постель из подушек и одеял прямо на полу возле камина, потому что на диване рослый папа бы не уместился. Сидя на лестнице, я прислушивалась к шёпоту в гостиной.

– Я не знала, к кому обратиться, – еле слышно говорила мама. – Он принял обезболивающее, но, по-моему, не помещает наложить швы.

– И зачем ты меня втянула?.. Если Саймон узнает... Не понимаю, почему ты сразу не отвезла его к врачу?

В голосе Джулии слышался гнев или, может быть, страх.

– Это невозможно, ты же знаешь. Прошу тебя, Джулия!

Джулия вздохнула:

– Ты хоть понимаешь, как это опасно? Я ведь не медсестра.

– Никто ничего не видел: он всё закрыл повязкой. А ты постоянно накладываешь швы женщинам. Пожалуйста, Джулия. Нам больше некого попросить.

Спустя некоторое время снова послышалось:

– Вскипяти воды. У тебя есть бритва? Джоэл, приготовься

– будет щипать.

Все были так заняты, что обо мне и не вспомнили. Я пряталась у себя в комнате, пока не стихли шорохи внизу. А потом, уже глубокой ночью, выбралась посмотреть, всё ли в порядке. Папина спина вздымалась и опадала, он тихонько похрапывал во сне. Повязка немного съехала – наверное, папа неловко повернулся. Из-под бинтов на голове виднелась кожа. Волосы вокруг раны были сбриты, аккуратный шов пересекал затылок. Пахло целебными травами, кровью и потом. Бритва открыла папину тайну. Правда вышла наружу.

Тогда я и увидела его. Разорванный пополам, но снова сшитый аккуратными стежками. Старый знак, о котором я не знала.

Знак вёрона.

Глава четвёртая

Вхожу в дом, роняю овощи на деревянный кухонный стол и слышу собственное прерывистое дыхание. Этот преступник, Коннор... Мой папа... Оба отмечены знаком вбрана. Знаком Забвения.

Не могу здесь оставаться. Не могу: скоро вернётся мама. Подхватываю кожаную сумку, набрасываю на голову шаль и отправляюсь в единственное подходящее место.

Мы с Верити дружим очень давно, сколько я себя помню. Я даже знаю, с чего всё началось. Мы появились на свет в одном родильном доме, там наши мамы и познакомились. Верити родилась совершенно здоровой, ей поставили знак рождения в положенное время и отправили домой, а я заболела и получила свой знак лишь несколько недель спустя. Папа вышел на работу, и мама Верити, Джулия, часто заходила к нам, приносила моей маме книги и фрукты, старалась помочь и развлечь. Джулия работает акушеркой. Как-то так вышло, что она стала заботиться и о нас с мамой.

Джулия всегда приносила с собой Верити. В те дни, когда нас кормили и переодевали бок о бок, наверное, и возникла между нами какая-то особенная связь. Из бесстрашия Джулии и стойкости моей мамы родилась крепкая дружба. Мама всегда говорила, что Джулия – её спасительница, а Верити – моя.

И сейчас спасительница мне очень нужна.

Дом Верити расположен в более уютном районе. От нас пешком не больше пяти минут, но словно попадаешь в дру-

гой, просторный мир. Дома не теснятся, перед окнами палисадники с живой изгородью – в окна не заглянешь. Вдоль улицы растут деревья, аккуратные дома из красного кирпича уверенно расположились каждый на своём участке. Совсем не похоже на наши улицы, где разномастные домишки беспорядочно сбиваются в кучу. Дома у Верити тишина и спокойствие. Как я люблю у них бывать! Иногда тут даже лучше, чем у родного очага, – у Верити можно спрятаться.

Стучу в дверь и вхожу, не дождавшись приглашения. В просторной кухне никого нет. Небольшой беспорядок, но в камине горит огонь. В гостиной тоже пусто. Поднимаюсь на второй этаж и, окликнув Верити, открываю дверь в её комнату. Верити сидит за письменным столом, устремив взгляд за окно, на осенний сад. Стены в комнате ярко-розовые, напоминание о детстве, когда мы обе обожали этот цвет.

Верити оборачивается, и её лицо озаряет улыбка.

– Леора! Ты как раз вовремя. Что-то я засиделась – пора устроить перерыв.

Она с улыбкой потягивается, не выпуская из пальцев карандаш. Густые тёмные волосы Верити небрежно собраны на затылке, на висках завиваются пряди, которые она безотчётно теребила за работой. На подруге яркая синяя шаль, что подчёркивает цвет её глаз и смуглый оттенок кожи. Верити мне почти как сестра. Она знает меня вдоль и поперёк и любит даже в те дни, когда, скорее всего, слегка ненавидит. Моя единственная настоящая подруга.

Сажусь на широкую кровать и откидываюсь на мягкую высокую спинку. Собираюсь рассказать об утреннем происшествии, но из глаз льются слёзы. Прикрываю глаза рукой – я так устала плакать у всех на виду, так устала чувствовать покалывание подсыхающих слёз на щеках! Терпеть не могу распухшие глаза и ярко-красные губы. Но слёзы всё текут...

Верити уронила карандаш и уже сидит со мной рядом, поглаживая по плечу.

– Лора, мне очень, очень жаль! Когда-нибудь станет легче, обязательно станет легче.

Вот что получается, когда умирает отец. Вообще-то проблем возникает множество, но с того самого дня, стóбит мне грустить, все думают, что причина в его смерти. Может быть, так и есть – отчасти. Не знаю... Мысли кружатся слишком быстро, я не успеваю поймать хоть одну из них и додумать.

Перевожу дыхание и пробую хоть что-то объяснить:

– Это не из-за папы. Я утром ходила на площадь... Там был мэр Лонгсайт.

Верити радостно взвизгивает, но осекается при виде моего несчастного лица.

– Там был ещё один человек, он... они... ему поставили знак вброня...

Воспоминания захлёстывают меня: исступлённые крики толпы, взгляд преступника, безжизненный, тусклый. Не могу поднять глаз на Верити – чувствую, что снова расплачусь,

и начинаю чертить пальцем круги на лоскутном покрывале кровати.

– Знаешь, Лора, такое ощущение, что ты пересказываешь сон. Давай сначала – что произошло?

И я рассказываю всё с самого начала, но не могу отделаться от мысли о папе, о том, что у него был такой же знак, знак вёрона. Знак, которого не оказалось в папиной книге.

Куда он исчез?

– Как ты думаешь, Верити, они ведь всё сделали правильно? – Рассказ окончен. В моём голосе прорываются умоляющие нотки. – Они должны были так поступить. Тот человек украл чью-то кожу, чью-то загробную жизнь. Мэр Лонгсайт сказал, что это давняя традиция – ставить знаки преступникам...

Верити берёт со стола какой-то учебник, листает до главы «Знаки и наказания».

– Вот здесь, смотри. Мы проходили наказания, и я повторяла эту тему как раз на прошлой неделе.

Верити читает вслух:

– «Знаки могут быть использованы для регистрации преступлений. Знаки наказаний наносит чернильщик, состоящий на государственной службе. Эти знаки служат для записи преступлений и разного рода проступков и будут учтены при вынесении заключительного решения на церемонии взвешивания души...»

– Но всё было не так, – прерываю я подругу. – Ему нанесли

не просто полоску на левую руку, а знак вёрона – я никогда ничего подобного не видела. Знак вёрона ставят забытым...

– Знаю, сейчас будет как раз про это. – Бросив на меня притворно-раздражённый взгляд, Верити продолжает:

– «В самых серьёзных случаях преступника могут отметить знаком Забвения. К знаку Забвения в прошлом прибегали очень редко, поскольку это наказание необратимо. В последние годы практика нанесения знака Забвения сошла на нет, однако история хранит прецеденты такого наказания». Вот так, – заключает Верити. – Видимо, мэр Лонгсайт решил, что преступление действительно очень серьёзное.

Слушая Верити, которая пытается найти решение любой проблемы, невозможно удержаться от улыбки. Если написано в учебнике, значит, верно.

– Но мэр сказал, что теперь публичные нанесения знаков будут проводить чаще.

Пожав плечами, Верити захлопывает книгу. Слезы я вытерла, но голос ещё дрожит. Как бы опять не расплакаться от какой-нибудь мелочи. Быть бы похожей на Верити, всегда уверенной, что всё идёт правильно и как полагается. Но где-то в глубине души грызёт червячок сомнения, что так наказывать не очень-то справедливо. Зеваю, и меня охватывает дрожь.

– Да что с тобой, Лора? До сих пор плохо спишь?

В ответ я лишь качаю головой.

– Ты совсем измучилась. Ложись поспи у меня, потом по-

говорим. Я разбужу тебя через час.

Верити бережно укладывает меня на мягкую постель. Пытаюсь отказаться, но кровать под тяжёлым лоскутным покрывалом, которое мама Верити сшила из детских одежек дочери, манит непреодолимо. Говорят, любые решения легче принимать на свежую голову.

Мне снится, что я совсем крошечная и прячусь в чьей-то голове. Глаза – окна, а рот – дверь. Ко мне кто-то рвётся. Я слышу шелест крыльев и вижу чёрный клюв, проглядывающий сквозь ряд зубов.

– Леора, ты не спишь? – Саймон, отец Верити, стоит в дверях с подносом. – Принёс тебе поесть. Ты, наверное, не обедала.

Он ставит поднос на тумбочку возле кровати.

Саймон всегда был очень добр ко мне и стал ещё лучше после смерти папы. Отец Верити высокого роста, с кожей тёмно-коричневого оттенка, в завитках чёрных волос и бороды проглядывает седина. Его кожа покрыта изображения-

ми человеческих лиц, и когда я достаточно близко, то могу прочесть его настроение – рисунки хмурятся мне или улыбаются. Сегодня ничего не читается: светло-синий медицинский костюм, какие носят в больнице специалисты по болезням кожи, скрывает все знаки. Саймон – хирург. Верити говорит, что он исследует что-то очень сложное и важное о заживлении кожи.

– Не торопись, просыпайся потихоньку, – говорит он, направляясь к двери, но вдруг останавливается. – Скажи-ка, Софи знает, что ты у нас? Не надо бы её волновать.

Мама. Сердце пропускает удар. Она давным-давно ждёт меня дома. Как бы я хотела не просыпаться и отложить встречу с ней, но странный сон и запах поджаренного хлеба уже разбудили меня окончательно.

Вернувшись к реальности, жую тост и спускаюсь на кухню, где Верити разговаривает с отцом. Себ, брат Верити, ещё на работе. Он старше нас лет на пять, но в детстве мы всегда играли вместе. В игре «во взрослых» Себу доставалась роль «папы», потом, когда мы воображали себя дизайнерами модной одежды, он был манекенщиком. Не знаю, что случилось с Себом, почему он немного не такой, как все. Верити говорит, что это «отставание в развитии», а её родители называют Себа «особенным». Иногда сложно разобрать его речь, и ему пришлось потрудиться, чтобы в чём-то догнать нас с Верити. Как-то раз я сказала, что мне жаль Себа, а Верити тут же стукнула меня по руке и потребовала:

– Посмотри на него. Внимательно посмотри. Почему его нужно жалеть? Разве он не такой же живой человек, как мы с тобой?

Удивлённая (у Верити тяжёлая рука!), я покаянно замотала головой.

– Ну и нечего тут, – продолжила подруга, блестя глазами. – Ему не жаль, и мне не жаль, что он такой, какой есть. И не смей его жалеть.

Сказала как отрезала.

У Себа есть профессия. Он выучился на пекаря и уже три года трудится в пекарне по соседству. Там его все любят: он вежлив с покупателями и не отлынивает от работы. Себ делает самые вкусные на свете пирожные с заварным кремом – пальчики оближешь!

Больше всего в доме Верити мне нравится кухня. Здесь всегда тепло и уютно. Стены выложены бордовой плиткой, а мебель – из тёмного дерева. Не сказать, что кругом беспорядок, но на полках груды всякой всячины, что-то висит на крючках, какие-то картинки в деревянных рамках, и среди этого аккуратного хаоса очень приятно посидеть и отдохнуть. Верити обнимает меня за плечи, и мы стоим так некоторое время.

– Да, папа, хочу тебя спросить... Леора кое-что видела сегодня – публичное нанесение знака на площади. Ты ничего об этом не слышал?

Саймон отрывается от кипы газет, которые он складывал

в стопку, его руки замирают в воздухе.

– Да, я что-то слышал.

– Мэр Лонгсайт был на площади, а какого-то человека отметили знаком Забвения. – Последнее слово Верити взволнованно шепчет, словно ругательство, которое решила в конце концов произнести вслух. – Это был знак вёрона. Ведь так, Лора?

Я согласно киваю.

– Как старомодно! – беспечно отвечает Саймон. Он поворачивается к плите и включает под кастрюлей газовую горелку. Кажется, разговор окончен, но Верити не отстаёт.

– Такие церемонии всегда проводят на площади? Почему же я никогда не видела ничего подобного?

Саймон со вздохом убавляет газ и поворачивается к нам, облакачиваясь на гладкий гранитный стол. Потирает щёку, ещё больше взлохмачивая бороду, и произносит:

– Если кого-то объявляют забытым, то делают это на площади. Давно такого не было. Я уж и не помню, какие там правила. А некоторые, между прочим, должны бы и сами об этом знать, если собираются работать в правительстве.

Саймон подмигивает Верити, и она недовольно закатывает глаза, а потом говорит уже спокойнее:

– Папа, а кого-нибудь из твоих знакомых объявляли забытым?

Саймон помешивает содержимое кастрюли, и по кухне разливается умиротворяющий аромат куриного рагу. Он

долго молчит, словно передумал отвечать, но потом всё-таки произносит:

– Да, я знал такого человека. Мне было очень тяжело это пережить, дорогая.

Саймон поднимает голову, и я с изумлением вижу, что его глаза блестят от сдерживаемых слёз. Неужели он говорит о папе?

– Давайте сменим тему, девочки. Не стоит беречь старые раны. Леора, ты останешься с нами поужинать?

Мне очень хочется ответить «да» и не возвращаться домой, но я знаю, что так нельзя.

– Спасибо за приглашение, но мне пора. Мама будет волноваться.

– Передай Софи привет и скажи, что пришло время выбраться куда-нибудь развеяться. Мы с Джулией сверим графики дежурств и найдём свободный вечер.

Я киваю и прощаюсь с хозяевами. Хорошо, что о маме есть кому позаботиться.

Верити провожает меня до двери.

– С тобой точно всё в порядке?

– Да, конечно, не беспокойся.

Я улыбаюсь и стараюсь выглядеть как обычно, но, боюсь, вид у меня не самый радостный.

– Ладно. Так я зайду к тебе завтра? Можем готовиться к экзаменам вместе, если хочешь.

– Спасибо, было бы здорово. Я так отстала по всем пред-

метам, что даже не смешно. И вот что, Верити, извини, что я так расхныкалась у тебя. Не знаю, что на меня нашло.

Верити обнимает меня на прощание, и я отправляюсь домой.

Глава пятая

Дома я застаю маму на кухне, за ужином. Плохой знак, мама всегда, и особенно после смерти папы, настаивала, чтобы по вечерам мы садились за стол вместе. Так полезнее для взаимоотношений в семье, или для пищеварения, или для чего-то ещё, не помню. Я вхожу, но мама продолжает есть,

будто бы не замечая меня. Так она намекает – уж куда прозрачнее! – что я провинилась. Лучше бы накричала, но она всегда такая сдержанная, такая осторожная. У неё даже эмоции как будто аккуратно упакованы.

По дороге от Верити я решила, что не буду спрашивать маму о папе и знаке вёрона. Пока рано. Боюсь, просто не смогу этого выговорить.

И ещё подсознательно хочется, чтобы мама сама рассказала мне всю правду о папе.

– Прости, пожалуйста, я опоздала к ужину, – решаюсь произнести я, вешая одежду на крючок у двери. – Зашла к Верити, и мы заболтались.

Мама откладывает вилку и отпивает глоток воды.

– Дорогая моя, ты же знаешь, как я волнуюсь, – отвечает она с неприступным видом. Не знаю, беспокоилась ли она, скорее всего, просто сердится. Пытаюсь нацепить на лицо самое покаянное выражение, но разжалобить маму не получается. – Ты могла бы оставить записку...

– Я всё понимаю, пожалуйста, извини. – Дотрагиваюсь до маминого плеча, она оборачивается и смотрит на меня. – Я больше так не буду. Честное слово.

В мой четырнадцатый день рождения мама объявила, что я заслуживаю большей свободы. С тех пор, если я заранее сообщаю, где я, с кем, что делаю, когда вернусь и во что одета (на случай, если потеряюсь и придётся обращаться в полицию), то могу не приходить домой, пока на улицах не за-

жгут фонари. Ничего себе – свобода! Конечно, мама заботится обо мне, и я знаю, что теперь, когда папы больше нет, она волнуется ещё сильнее, но если бы только она могла доверять мне хоть чуточку больше!

Мама вздыхает и вытирает губы салфеткой. Иногда у меня такое чувство, будто она навсегда смирилась, что из меня не выйдет ничего путного. Она словно предпочитает замечать мои ошибки, вместо того чтобы приложить капельку усилий и разглядеть успехи. Мама расчёсывает мне волосы на косой пробор, чего я обычно терпеть не могу, но сейчас не обращаю на это внимания.

– Ветчина в духовке, наверное, еще не остыла, – говорит мама, возвращаясь к ужину.

Кажется, на этот раз меня простили. Зря я так несправедлива к маме. Осторожно, прихватив полотенцем, вынимаю из духовки горячий противень. Перекладываю на тарелку два ломтика ветчины, едва не обжигая пальцы. Зачерпываю из кастрюльки на плите картофельного пюре и сажусь за стол. Мама не смотрит на меня – покончив с ужином, читает книгу.

Вот что я сделаю. Устрою ей проверку.

Беру с буфета лист бумаги и кладу рядом с тарелкой. Вилка в левой руке, карандаш в правой, ем и делаю набросок.

– Дорогая моя, неужели обязательно всегда рисовать за едой?

Мама так острит. Это наша дежурная семейная шутка: ма-

ма за столом всегда читает, я всегда рисую, а папа всегда порицал нас за необщительность. Но сегодня получается не смешно.

– Скоро экзамены, мне надо готовиться.

Теперь мама смотрит на рисунок, и росчерки моего карандаша становятся чётче, я затушёвываю птичье крыло. Мама опускает книгу на колени и вглядывается в мой эскиз.

– Сегодня на площади проводили церемонию нанесения знака, – говорю я, не отрывая глаз от бумаги.

– Да, я слышала. – У мамы спокойный голос, может быть чуть громче обычного. – У нас на чтениях только об этом и говорили. Я никогда не видела такой церемонии, даже не знала, что их всё ещё проводят. – Слышу шелест страниц, но, когда отрываю глаза от наброска, вижу, что мама смотрит на меня. – Много ли народу собралось на площади?

– Да, много. – Поворачиваю рисунок, чтобы тщательнее прорисовать клюв. Знаю, мама не сводит с меня глаз. – Тому человеку нанесли вот такой знак. – Придвигаю рисунок поближе к маме. Неужели она вздрогнула или мне показалось? – Это знак Забвения. Ужас, правда?

Ну же, мама, расскажи мне всё как есть.

Она изучает рисунок, избегая смотреть мне в глаза.

– Ты станешь великолепной чернильщицей, звёздочка моя, – говорит мама, возвращая мне листок. – Однако надеюсь, что такие знаки тебе наносить не придётся.

В надежде услышать хоть что-нибудь интересное от мамы,

заставляю себя продолжить рисунок, ярче выделяю перья.

– Если хочешь, можем в следующий раз пойти вместе. А кого отметили этим знаком? Ты его узнала? – спрашивает мама, поднимаясь отнести тарелку в раковину.

– Нет, никогда его не видела. Но преступление он совершил ужасное – украл лоскут чьей-то кожи!

Я не отрываю от мамы глаз, и мне кажется, что она на мгновение замирает посреди кухни.

Перевожу взгляд обратно на птицу – ворон смотрит на меня мёртвым глазом. Скатываю лист бумаги в шарик и отодвигаюсь от стола. Вставая, натываюсь взглядом на мамину книгу. Это сборник сказок, раскрытый посередине, на истории о Белой Ведьме. Пока мама моет посуду, забираю книгу наверх, чтобы перечитать знакомую с детства сказку. Папа часто читал мне эти истории, ещё долго после того, как я заявила, что вышла из детского возраста.

Глава шестая

Сёстры

Давным-давно жила на свете девушка, столь же добрая, сколь и прекрасная. Красоты она была необыкновенной: волосы словно золото, а губы будто рубины. Голос её звенел, точно смех тысячи ангелов, а глаза сияли, как звёзды в небесах. Жила она в лесу, в маленькой хижине, и жители соседнего городка приходили к ней в гости – любоваться её прелестным личиком. Слава о девушке разнеслась далеко, и имя её – Мория – стало известно по всей земле.

Была у Мории сестра-близнец. У сестры не было ни золотистых волос, ни рубиново-алых губ, и голос её не звучал, как смех тысячи ангелов, а глаза не сияли подобно звёздам небесным. В городе о ней говорили неохотно, не могли даже вспомнить её лица, только хмурились: «Ах да. Та, другая сестра...» Встречи с ней оставляли лишь чувство смутной тревоги. Все знали, что она не похожа на свою добрую и прекрасную сестру, и называли её «невидимкой», потому что не могли запомнить её имени.

А ещё у сестёр был отец – дровосек. Из срубленных им деревьев выстроили лесной домик, где он жил с дочерьми, и

сделали кровать, на которой он спал и на которой вскоре должен был умереть.

Однако отец девушек был не только дровосеком. При рождении ему досталось два волшебных подарка. Первый – предсмертное желание дровосека непременно сбудется, а второй – удивительная способность рассказывать истории, которые всегда хотелось дослушать до конца. Нити сказок дровосека сплетались в полотна прекраснее изысканных гобеленов. Слушая его, мужчины рыдали, а женщины влюблялись в рассказчика. Его сказки разбивали сердца и лечили израненные души. Люди приходили в домик дровосека взглянуть на его прекрасную дочь, но оставались послушать необыкновенные истории.

Каждый день он рассказывал новую сказку, и каждый день дочь-невидимка записывала её в книгу. Но пришло время, когда истории стали короче, а голос рассказчика ослабел. Наступил и день, когда дровосек перестал рассказывать сказки и не смог подняться с кровати.

Дровосек прожил хорошую жизнь. Он был добрым супругом и прекрасным отцом. Об одном лишь жалел он: столько всего рассказал о других, а о себе ничего не поведал. И в безмолвии на смертном ложе горевал он о днях, когда рассказывал о королях и бесах, о феях и леших. Разве имела значение его собственная жизнь, если память о ней навсегда скроется с ним в могиле? Голос его ослаб, истекали последние отпущенные ему минуты, и никому не мог дровосек по-

ведать свою историю.

В последний вечер дровосека дочери присели у его постели.

– Ах, отец, – сказала одна из них, – если бы только ты мог жить!

Но дровосек покачал головой, и дочери его заплакали горючими слезами.

– Ах, отец, если смерть твоя близка, – спросила одна из девушек. – Хватит ли у тебя силы поведать нам твоё последнее желание?

Ибо знали они, что последнее желание отца непременно исполнится, и надеялись, что он пожелает что-нибудь хорошее.

Дочери подали отцу воды. Сделав глоток, он взгляделся в их лица. Сил у дровосека осталось лишь на несколько слов. Он знал, что пожелать и знал, что его последнее желание исполнится.

– Слушайте меня, – тихо произнёс дровосек. – Пусть ваши истории запомнят. Пусть истории ваших жизней пойдут с вами повсюду, пусть люди запомнят вас навсегда, девочки мои. Это моё последнее желание. – И глубоко вздохнув, он умер.

Дочери дровосека горько заплакали. Вскоре их отца похоронили, погоревали о нём и оплакали. Но прошло немного времени. Имя его произносили редко, и дровосека забыли. Случилось так, как он и предполагал. История его жизни никогда не была рассказана.

Шёл однажды по лесу принц. Он набрёл на домик сестёр и постучал в дверь, околдованный красотой лесного жилища. Дверь открыла Мория, та, что была столь же прекрасна, сколь и добра, и принц сразу же полюбил её. На другой день он увёз Морию во дворец и женился на ней, и все в королевстве восхищались юной принцессой.

Проснувшись наутро после свадьбы, девушка смущённо улыбнулась супругу. Он взял её за руку и ахнул от изумления, увидев на коже жены рисунок. Это была картина их свадьбы. Мория мыла и мыла руку, но оттереть рисунок не смогла. Мория рассказала принцу о последнем желании отца, и молодые догадались, что так исполняются его последние слова. Вскоре принц с женой привыкли к рисунку и улыбались, глядя на него и вспоминая счастливый день своей свадьбы.

С каждым необычным и важным происшествием в жизни на коже Мории появлялись особые знаки. События отображались навсегда, и знаки эти могли увидеть все (если, конечно, знали, куда смотреть). С исполнением предсказания дровосека в королевство принца пришло процветание. Сначала люди пугались при виде правительницы, чья кожа была покрыта будто бы вытатуированными рисунками. Они боялись, что это злая волшебница, околдовавшая принца. Но когда принц поведал подданным о последнем желании дровосека, когда они увидели благополучие, которое принес-

ла им принцесса, то успокоились. При новой правительнице подданные жили в мире и довольстве, как никогда раньше. Урожаи были обильными, королевство богатело и становилось всё могущественнее. Дочь дровосека все любили, ведь она принесла людям счастье и удачу.

Когда юная принцесса поняла, что скоро станет матерью, она попросила у мужа позволения навестить сестру, с которой не виделась со дня свадьбы.

– Хочу посмотреть, какие истории расскажут мне её рисунки, – сказала Мория. Она помнила, что последнее желание отца касалось обеих дочерей.

Принц дал жене лошадей и охрану, и Мория отправилась в дорогу, к лесному домику, деревья для которой срубил её отец.

Родной дом зарос плющом, а в саду царили сорняки и чертополох. Вороны свили гнёзда на деревьях вокруг хижины, и приветствовали Морию резкими криками. Она постучала в дверь и страшно удивилась при виде сестры. За время разлуки девушка стала ещё бледнее и походила на привидение. Она исхудала и стала совсем некрасивой. Копна перепутанных волос на голове словно колючие кусты в саду, а глаза – тёмные, как грозовое небо.

Сёстры обнялись и заговорили, вспоминая то, что случилось с каждой из них за прошедшие годы. Принцесса разожгла в очаге огонь, и, когда в домике потеплело, сбросила плащ. Сестра в изумлении воззрилась на покрытую рисун-

ками кожу златоволосой красавицы. Мория показала каждый знак и рассказала его смысл. Поняв, что рисунки появились только у неё, принцесса печально вздохнула.

– Я думала, с тобой случится нечто подобное. Ведь последнее желание отца было о нас обоих. Очень странно! – нахмурившись, произнесла Мория.

– У меня обыкновенная жизнь. Нет ни мужа, ни богатств, ни дворцовой роскоши. Быть может, моя кожа пуста, потому что такова моя жизнь, – тихо ответила сестра-невидимка.

Принцесса провела в лесном домике весь день, а ночью уехала во дворец. Однако её не покидало беспокойство о сестре, чья кожа оставалась пустой. Вскоре первые движения малыша в утробе отвлекли принцессу от тяжёлых мыслей, и она перестала думать о сестре и о неисполнившемся последнем желании отца.

Приближался день рождения малыша, но принц и принцесса были удручены известиями из дальнего уголка королевства. Всюду на землях принца наступило благоденствие, сады цвели, подданные радовались, и только в один уголок не проникало благословение принцессы.

Мория с горечью узнала, что процветание обходит стороной её родной город.

Гонцы приносили вести о пропавшем урожае, о болезнях скота, бесплодных женищинах и страхе горожан. На городке лежало проклятие.

Когда младенец королевской крови появился на свет, принц и принцесса узнали об источнике бедствий.

Отпраздновать рождение наследницы королевства собрались родственники, друзья августейшей фамилии и знатные вельможи. Гости восхищались малышкой и новым знаком на коже Мории, который появился в минуту рождения ребёнка. Они изумлённо ахали и всплёскивали руками, увидев знак рождения и на коже крошки – она родилась с первой своей меткой, собственным именем. Благословение дровосека коснулось и дочери принцессы.

Однако кое о ком они позабыли. Ближе к вечеру, перед самым закатом, на дворец внезапно опустилась тьма. По залу с воем пронёсся ветер, огоньки свечей затрепетали и потухли. Гости задрожали, прижимаясь друг к другу. В мрачных сумерках ничего было не разглядеть. Все услышали, как открылась дверь, и ощутили прикосновение ледяного ветра, вдохнули запах лесного мха, тумана, сырости и дикого плюща. Капли вина, не высохшие на губах, стали горькими, как кровь. А потом они увидели эсеницу-призрак, которая прокладывала путь сквозь толпу, поглаживая перепуганные лица костлявыми пальцами, посмеиваясь над беспомощностью застывших в ужасе гостей.

Мория не пригласила сестру на праздник, но та всё же пришла. Приблизившись к колыбельке, где спала малышка, гостя преподнесла подарок – она предрекла девочке несчастья и тревоги, борьбу с судьбой и вечный проигрыш и ран-

ную смерть. Малышка умрёт прежде, чем станет взрослой, – таков был приговор.

А потом, подобно тому, как с приходом весны тает снег, сестра принцессы исчезла, оставив в детской кроватке чёрное вороново перо.

Дворец огласился отчаянными стонами Мории, их перекрывали исступлённые приказы принца:

– Схватить! Задержать ведьму!

Прошли дни, недели и месяцы, но сестру принцессы так и не нашли. По королевству бродили разные слухи, пока не просочились во дворец, наполнив его ужасом. Сестра долгие годы травила землю – воровала чужие секреты и разбивала семьи, пугала детей, рассказывая им лживые небылицы о родителях, лишая сна, насылала порчу на коров, чтобы у них скисало молоко. Дальний уголок королевства попал под власть её коварства. Вердикт судей был ясен: белокожая сестра Мории, сестра-невидимка, – ведьма. Никаких сомнений. Потому-то последнее желание отца и не подействовало, на её коже не появились рисунки, а сердце осталось холодным. Она уже давно бросилась в пучину могущественной тёмной магии. Был оглашён королевский указ: Белую ведьму изгнать из страны! Город, опустошённый ведьмиными заклятиями, отрезали от королевства. Построили высокие стены. И в королевской крепости началась спокойная жизнь, пустую женищину, Белую ведьму, изгнали из королевства. Никто и не видел её с тех пор, как она наложила

заклятье на дочь Мории во дворце. Остались лишь слухи о привидениях в лесу дровосека.

И королевство вновь расцвело. Земли были благословенны, и люди счастливы. Принц и прекрасная принцесса правили мудро и справедливо.

Принцесса Мория прожила долгую и счастливую жизнь, история которой отразилась на её коже. С тех самых пор, чтобы не нарушить мира и благоденствия, принесённого её правлением, жители королевства записывают свои истории на собственной коже. Подобно дровосеку, они понимают, что жизнь бессмысленна, если история человека уходит с ним в могилу.

Глава седьмая

Сию в спальне, на кровати, а в голове шелестят слова старой сказки. Здесь совсем не так, как у Верити. Мне не разрешили поддаться страсти к розовому, поэтому в моей комнате стены самые обыкновенные, белого цвета. Раньше я ужасно завидовала Верити, но теперь комната мне нравится. Откры-

ваю ящик высокого комода и вытаскиваю спрятанный под блузками альбом для набросков. Все так делают – заранее обдумывают будущие рисунки на коже. Стандартные, официальные метки выбрать, конечно, нельзя. Каждый получает знак рождения с именем, точки возраста, знаки медицинских прививок, а на спине всем рисуют семейное древо. На правое предплечье наносят разноцветные линии, короткие и длинные, свидетельства наших достижений. На левую руку записывают неудачи. Должник получит узкую оранжевую линию, вор – красную, убийца – толстую чёрную черту, но таких я никогда не видела. У меня на левой руке ничего нет, а о будущих метках по выбору можно рассуждать бесконечно. Самый первый личный знак должен отразить нашу внутреннюю сущность.

Первый знак разрешается наносить в день шестнадцатилетия, но я решила подождать. Хочу всем показать, какая я на самом деле, не просто послушная мамина дочка, тихоня отличница. Но теперь даже не знаю, удастся ли мне когда-нибудь выбрать свой первый знак. Хочу, чтобы он стал особенным, самым-самым! Жду озарения, когда подходящий идеальный рисунок возникнет в моём воображении. Пусть это будет что-то прекрасное, неподвластное времени, что-то только моё.

Присаживаюсь за письменный стол и рисую нас с Верити. На рисунке Верити смеётся, волосы растрёпаны. Я умудрилась так очертить себе брови, что выгляжу сердитой, но во-

обще-то мне нравится. Рисую я недолго. У настольной лампы вьётся мотылёк. Не очень крупный, мне не мешает, но крылышки отбрасывают странные тени, а свет от лампы зловеще мерцает. Шелест мотылька напоминает звук, с которым рвут бумагу или хлопают крыльями птицы. Но я не выключаю свет. Я больше не люблю темноту. За последний месяц после папиного предостережения: «Берегись пустых, Леора!» – ко мне вернулись детские страхи. Звуки, которые раньше успокаивали, теперь заставляют сердце стучать громче и сильнее, забытые тревоги всё чаще приходят в кошмарах.

Задолго до моего рождения, ещё до Указа о выселении, пустые жили рядом с нами. Представить невозможно – целая толпа людей, которые по собственной воле отказываются от знаков на коже. Всё началось с одного или двух, оставивших только знак рождения и какие-то официальные метки, а потом развернулось настоящее сопротивление. Они отказывались наносить знаки детям, предпочитали заплатить штраф или отправиться в тюрьму, лишь бы не подчиняться общим законам. На улице часто можно было встретить пустых, нечитаемых людей. Мама рассказывала, что её мать помнила те времена. Никто не понимал, как можно отказаться от вечного спасения, выбрать жизнь, которая приведёт к вечному проклятию?!

Но однажды правда вышла наружу. Те, другие, хранили такие ужасные тайны, что не смели наносить их на кожу. Всё

началось с мелочей: если платье шила портниха с пустой кожей, на нём расходились швы – скверная работа. Письма и посылки приходили к адресатам вскрытыми, а значит, пропало доверие к почтальону с пустой кожей. Пустой пекарь продавал заплесневелый хлеб, пустая учительница в школе учила детей лгать, пустой врач выписывал лекарства, от которых становилось только хуже. Пустые заявляли, что им не нужно наносить знаки на кожу, чтобы хранить души в чистоте. Они называли себя праведниками, добродетельными людьми. Однако их поступки говорили совсем о другом. Тщательно спланированное восстание пустых показало их истинные цели. Они жгли дома, уродовали тела, срывали кожу с мёртвых, а у живых отбирали жизнь. И после жестокого мятежа отмеченные знаками были вынуждены дать отпор. Сопротивление пустых сломали, бунтовщиков изгнали далеко за стену, обрекая на жизнь там, откуда они больше не могли нам вредить. С тех пор всё шло хорошо.

Миновало столько времени, что мы забыли все страхи. Конечно, слухи не прекращались. В школе болтали, как чей-то дядя или отец или ещё какой-то родственник собственными глазами видел в городе пустого, разгуливавшего по ночным улицам.

– Он был совсем как привидение. Его кожа светилась, он крадучись обходил дом Юингов, собирался пролезть внутрь. – Такие рассказы слышались часто.

Школьные пересуды о пустых вызывали только смех, но

дома, ночью, глядя на задёрнутое шторами окно, я не раз старалась убедить себя, что шорохи снаружи – всего лишь шум ветра.

– А ещё бывает, ученик не приходит в школу в понедельник и больше никогда не приходит, и никто о нём ничего не знает. Значит, до него добрались пустые.

Пересказывая подобные истории, мы визжали от сладкого ужаса, притворялись, будто просто шутим. Но по ночам, съёжившись под одеялом и страшась уснуть, я тряслась, как заяц. Сворачивалась калачиком, чтобы пустые не схватили меня за пятки, следила, чтобы ни один палец не высунулся наружу. Страшные рассказы о пустых преследовали меня, не давая покоя.

– Пустые приходят по ночам красть души. Утром на подушке родители найдут лишь пёрышко – знак, что ребёнка забрали пустые.

Мне было десять лет, когда пропала моя собака Амити. Обычно она не пряталась, надолго не убегала. Мы искали повсюду, прочёсывая окрестности день за днём, неделя за неделей. Я расклеила объявления, мы опрашивали всех знакомых и незнакомых, не встречалась ли им рыжая собака. Месяц спустя, бродя по рощице неподалёку от школы, я поскользнулась и съехала в неглубокий овраг. Там, среди листьев, я разглядела на земле ошейник Амити. Собака пропала бесследно, только к красному кожаному ремешку прилипло несколько блестящих перьев. Папа тогда велел не вы-

думывать чепухи, уверял, что собака ввязалась в драку, но я-то знаю: её забрали пустые. Я до сих пор скучаю по моей Амिति.

Темно, ветер свистит, в раму моего окна бьются ветки деревьев. Страшные мысли всё кружатся, не желают уходить. Приказываю себе прекратить всякие глупости, давно пора повзрослеть. Но предостережения мэра Лонгсайта вспоминаются сами собой. Пустые действительно нам угрожают. Мотылёк влетел в ловушку из моих ладоней, он несколько секунд бьётся там и замирает. Приоткрываю локтем окно и выпускаю маленького летуна на волю, но серая бабочка камнем падает вниз. Она погибла, не дождавшись освобождения. Вытираю ладони о брюки. Совсем поздно. Переодевшись в пижаму, забираюсь под одеяло и закрываю глаза.

Думаю о папе, о его душе, заточённой в неизвестности в ожидании взвешивания и суда.

Думаю о Конноре, том человеке, которому поставили на площади знак, о его взгляде за мгновение до укола иглы чернильщика.

Думаю о Белой Ведьме и грозных словах предупреждения мэра Лонгсайта.

Думаю об огне правосудия, который пылает день и ночь, пылает вечно.

Лампа всё горит. Наконец я проваливаюсь в сон.

Мне снится, будто я в больнице. Лежу на кровати, а в руке, чуть ниже локтя, торчит игла с тоненькой трубочкой на конце. Ещё вижу медицинский пакет, который медленно наполняется тёмной жидкостью, и раздумываю: зачем брать у меня столько крови? Перевожу взгляд на руку и замечаю, что мои татуировки медленно исчезают. Знаки, слова и рисунки стираются прямо на глазах.

Я теряю не кровь, а чернила татуировок. Оглядываю свою кожу. Я совершенно голая. Меня прежней больше нет. Выдёргиваю из руки иглу.

Просыпаюсь, скованная страхом, и не могу перевести дыхание. Скидываю пижаму и встаю перед зеркалом – убедиться, что мои знаки по-прежнему со мной. Поворачиваюсь спиной, чтобы рассмотреть каждое имя на семейном древе. Удивительно, как мало на моей коже знаков. Я прожила на свете шестнадцать лет, но что из этого можно увидеть и прочесть? Умри я сегодня – и моя книга будет такой же, как у любого моего ровесника. Только имена будут другие и ещё

какие-то мелочи, но всё остальное...

До сих пор историю для меня выбирали другие. Так хочется заполнить каждый сантиметр кожи чем-то важным, ничего не упустив, – всё прекрасное, что я видела, имена моих друзей, ну хотя бы Верити, имя моего первого возлюбленного. Первая любовь. От этих слов тянет рассмеяться. Нет у меня никакого возлюбленного, не о чем ставить знак на коже. Кому я нужна!

Конечно, о мальчишках в школе и говорить нечего. Ну был один, из-за которого я краснела и старалась соорудить нормальную причёску, всё мучилась, не слишком ли я тихая да не слишком ли умная. Но по-настоящему мне никто не нравился. И я точно знаю, что и я никому не нравилась. Наверное, я единственная шестнадцатилетняя девушка на земле, которая никогда ни с кем не целовалась.

В зеркале отражаются полосы растяжек на бёдрах, бледная кожа. Мне слишком часто говорят, что бледность – это аристократично, что мне повезло. Но моя бледность неправильная, не алебастровая бледность красавиц, а сероватая, бесцветная. У меня вообще всё неправильно. Грудь слишком маленькая, чтобы сказать о себе «фигура с изгибами», а бёдра слишком широкие, чтобы назвать меня стройной. Лицо слишком неправильное для симпатичного и слишком обыкновенное, чтобы врезаться в память. Волосы слишком прямые для кудрявых и слишком волнистые для прямых. Не важно, сколько раз я даю себе слово отрастить их подлиннее,

всё равно надоедает, и я снова прошу подстричь меня покороче. Никто по доброй воле не выкрасил бы себе волосы в мой оттенок – мышино-коричневый, тут уж сомневаться не приходится. Вот глаза мне нравятся – синие. Но красивой меня всё же не назвать. На груди появилась новая фиолетовая полоска растяжки – вот пакость! Пытаюсь растереть эту ползучую ниточку. Какая несправедливость! Грудь практически нет, а растяжки есть. Откуда они только берутся?

Тело предаёт меня, выдаёт меня настоящую любому, кто посмотрит, меня – такую неправильную. Но всё это не важно. Чёрные и серые линии рисунков и знаков постепенно покрывают моё тело. Я стану другой. Через боль и кровь татуировки изменят меня.

Мне есть что рассказать миру.

Совсем светло. Вот и утро. Скоро придёт Верити, будем готовиться к экзаменам. Натягиваю коричневые укороченные брюки, из-под которых выглядывают мои любимые полусапожки из мягкой кожи. Бирюзовая блузка досталась мне от Верити. Простого покроя, с пуговицами у воротника, достаточно длинная, чтобы скрыть бёдра. Хорошо, когда подруга выше ростом! Дважды оборачиваю вокруг талии оранжевый пояс и крепко завязываю его впереди. Спрячусь под одеждой, и никто меня не прочтёт. Может быть, если моей почти пустой кожи будет не видно, окружающие придумают мне более интересную историю, чем есть на самом деле.

Услышав голоса мамы и Верити, на секунду застываю в

дверях. Похоже, я проспала. Со второго этажа видно Верити и маму за кухонным столом. Сияют начисто отмытые столешницы, на которых мы с папой столько лет резали всякую всячину, ленись протянуть руку и взять кухонную доску. (Мама вечно ругала нас, словно папа тоже был ребёнком на её попечении.) Сияющая утварь поблёскивает на крючках у стен. Мама заметила меня и поднимается налить мне чаю. Благодарно улыбаюсь ей и останавливаюсь поприветствовать пращуров, называя каждого по имени, зажигаю свечу на столике под их книжной полкой. Жаль, что здесь нет папиных родственников, но он родился и вырос в Ривертоне и не мог принести свои книги предков в Сейнтстоун. Он вообще почти ничего не рассказывал о родных.

Мама рассматривает правую руку Верити. Не может устоять: она читает людей при каждом удобном случае – это её любимое занятие. Больше всего маме нравится сидеть вечером на веранде и смотреть на прохожих, подглядывая их секреты. Вот только в знаках Верити нет никаких тайн. Верити идеальна – лучше не бывает.

– Как идёт подготовка к экзаменам? – Мама наконец выпускает руку Верити и отпивает глоток чая.

– Всё в порядке, – отвечает Верити, застёгивая рукав блузки, – вот только эти сны... Всё время вижу, как мне достаются на экзаменах вопросы о том, что я не успела повторить.

Вот глупости! Верити прекрасно сдаст все экзамены. Мама берёт заварочный чайник, чтобы налить ещё чаю, и я ви-

жу на столе мой вчерашний рисунок. Мама разгладила смятый листок и, видимо, рассматривала ворона. Интересно, показала ли она моё творение Верити?

– Пошли, Ветти. Без тебя ничего не получается – голова не работает.

Верити забрасывает на плечо сумку с книгами, и, захватив по чашке чая, мы уходим ко мне в комнату.

Экзамены, которые нам предстоит сдавать, очень и очень важные. Будут вопросы по всем школьным предметам да ещё дополнительные тесты по выбранным специализациям. Я буду сдавать нанесение татуировок. Важнее этих экзаменов ничего и быть не может. От результатов зависит наше будущее. Если провалюсь, мне достанется какая-нибудь скучная работа, и я застряну на ней навсегда. В последний год в школе разрешается выбрать специализацию, но нет гарантии, что удастся хорошо сдать экзамены и получить разрешение работать по выбранной профессии. Надо показать, что действительно достоин своей мечты. Если меня отправят в какой-нибудь офис перебирать бумажки, моя душа, наверное, скукожится и умрёт. Я страстно мечтала стать чернильщицей, мечтала с самого детства, с тех пор как папа научил меня рисовать. За последние месяцы я уверилась, что это действительно мое призвание. Мне нравится сжимать в пальцах чернильную ручку, нравится вырисовывать татуировки. И больше всего мне нравятся истории, рассказанные каждым знаком – истории, которые можно увидеть и понять совер-

шенно по-разному.

Настоящих татуировок я пока никому не делала: старшеклассникам это запрещено. Зато научилась очищать и стерилизовать кожу и инструменты, наносить знаки на бумагу и свиную кожу. Выяснилось, что я готова кропотливо прорисовывать самые мелкие детали и что быть чернильщицей – моё самое сильное желание в жизни.

Верити надеется работать в правительстве. Она хочет заниматься управлением, стратегиями развития и всякими такими штуками. Перекладыванием бумажек Верити не напугаешь: она столько времени провела на практике в правительственных офисах, что иссушение души подруге не грозит. Верити придётся выучить все законы, правовые акты и разные нормативные документы. Только получив высшие баллы на всех экзаменах, можно попасть в департамент Похорон и взвешивания душ, где работают с книгами недавно почивших. Верити хочет заниматься подготовкой покойных к посмертному суду, изучать книги и готовить рекомендации для достойных остаться в памяти. Это один из самых важных департаментов правительства и наиболее таинственный. Смотрю, как подруга раскладывает на столе учебники и тетради, слушаю её беспечную болтовню и пытаюсь представить, как она будет выглядеть за массивным столом в государственном учреждении, принимая решения о судьбах людей.

Всё меняется. Меняется слишком быстро.

Остаток утра мы напряжённо трудимся. Верити устроилась за моим колченогим письменным столом, просматривает учебники и записи в тетрадах, а я рисую, лёжа на полу – в моём портфолио явно не хватает рисунков – и между делом выковыриваю застрявшие среди ворсинок ковра кусочки сухой краски. Столько нужно ещё сделать! Очень непривычное ощущение – знать, что надо торопиться и работать на пределе сил. Раньше мне никогда не приходилось особенно стараться в школе: всё получалось само собой. А потом заболел папа. Стоит мне подумать о будущем, как мысли сразу же возвращаются к папиной болезни, как ему становилось всё хуже, а потом он умер, и теперь приходится жить без него. В моём будущем без папы зияют огромные чёрные дыры – слишком многого не хватает.

Однако жизнь берёт своё. Без папы тяжело, но выбора нет, надо жить дальше.

– Лора, ты как, в порядке? Папа вчера беспокоился о тебе. – Верити беспечно раскачивается на стуле, но в последний момент хватается за стол, чтобы не упасть навзничь. – Вообще-то я тоже волновалась. Церемония на площади так тебя расстроила...

Снова мысленно вижу того человека, Коннора, вижу, как ему наносят знак, слышу жужжание татуировочной машинки, вижу его глаза.

– Честно говоря, я пыталась об этом не вспоминать, – выдавливаю я, сглатывая ком в горле. – Как можно жить, если

тебя объявили забытым?

– Не знаю, Лора. Но ты же понимаешь, он совершил ужасное преступление.

Мне остаётся только согласно кивнуть в ответ.

– Себ сказал, что видел вчера окончание церемонии, у него как раз был перерыв в пекарне, – продолжает Верити. – Рассказчица Мел тоже была там, она пересказала историю Святого, чтобы ещё раз напомнить о ценности наших знаков, о важности сохранить всю кожу почившего до последнего лоскутка.

Устало пожимаю плечами. Наверное, если бы я осталась на площади, рассказ Мел помог бы мне успокоиться. Но совершённое преступление столь ужасно, что история Святого здесь не к месту.

– Как ты думаешь, твой папа знал того человека? Может быть, они работали вместе? – спрашивает Верити.

У меня едва хватает сил отрицательно помотать головой:

– Вряд ли. Не хочется думать, что такой человек был среди папиных друзей, – бормочу я в ответ. – Папа очень серьёзно относился к работе. Он бы страшно разозлился, узнай, что кто-то допустил такую оплошность. Такую жестокость, – добавляю я со вздохом.

– Бедная Леора! Ты, наверное, ужасно по нему скучаешь...

Киваю, и к глазам подступают предсказуемые слёзы.

– Очень тяжело ждать взвешивания души, тяжело знать,

что его книга ещё в музее. Как бы я хотела, чтобы всё скорее кончилось и он снова был дома, с нами.

– Я всё понимаю, Лора, это очень непросто. Но помни о книгах предков. Пусть они служат тебе утешением.

Верити права. Предки охраняют нас, направляют, указывают путь и поддерживают. Им надо верить. Иногда я не чувствую их заботы, забываю об их силе. Надо просто верить.

Верити смотрит на меня, поэтому я спешу улыбнуться и говорю:

– Да, кстати о предках... Сегодня наша очередь произносить имена.

Верити испускает тяжкий стон. Она терпеть не может ритуал чтения имён – эта церемония кажется ей слишком вычурной, неоправданно пышной. Думаю, подруга решила участвовать, только чтобы составить мне компанию.

– Да, конечно, моё любимое чтение имён... – недовольно бормочет Верити.

– Давай встретимся на улице, у Дворца правосудия, и дальше пойдём вместе?

Поговорили, теперь надо заниматься. Отодвигаю тёмные мысли подальше и сосредоточенно работаю. До вечера мы повторяем разные темы и проверяем друг дружку, задавая каверзные вопросы. Несколько раз я почти готова рассказать о папе и его тайном знаке, но как-то не складывается. Подожду удобного случая. Когда я вечером обнимаю Верити на прощание, меня вдруг охватывает раскаяние: у нас не долж-

НО БЫТЬ ТАЙН.

Глава восьмая

Никто не умирает до конца, пока человека помнят, пока произносят его имя. Вот почему мы каждое утро приветствуем наших прародителей и вот почему у нас есть ритуал чтения имён. Эта церемония проводится каждый день. Участие добровольное, всем желающим указывают день и время, ко-

гда можно прийти и прочесть имена почивших. Моя очередь наступает раз в месяц. Живые обязаны следить, чтобы достойные предки жителей города не были забыты. У кого-то не осталось потомков, их имена теперь звучат только из наших уст. Помнить достойных необходимо. Это наш долг по отношению к их жизни и памяти.

Сегодня мама тоже участвует в церемонии. Мы всегда ходим читать имена втроём: Верити, мама и я. После ужина мы переодеваемся. На чтение имён настоятельно рекомендуют приходить в оранжевом, жёлтом и красном. Яркие цвета напоминают о пламени правосудия. Я надеваю старое мамин платье цвета шафрана. Оно мне чуть-чуть велико («Тебе есть куда расти, Леора!»), подол юбки подметает пол. Мама набрасывает тяжёлую золотистую мантию поверх обычной одежды. Мы похожи на пламя свечей. Берём с собой медовый напиток с лимоном: во время чтения приятно сделать глоток-другой, освежить пересохшее горло.

Идём по опавшим листьям к площади, к Дворцу правосудия. Беру маму под руку, чтобы согреться и просто почувствовать, что мы вместе. Мама слегка улыбается, но потом со вздохом крепко прижимает к себе мою руку. Скорее всего, не так уж ей легко, несмотря на показное спокойствие. Мама никогда не была особенно чувствительной, даже до смерти папы, но не была и натянутой струной, как сейчас. Папа всегда мог её успокоить, развеселить. Как же хочется забыть все невзгоды, хотя бы на этот вечер! Сегодня первое чтение

имён со дня папиной смерти. Боюсь, мой голос выдаст слушателям горечь потери.

Верити ждёт нас у дверей Дворца правосудия. Сначала я даже не могу её разглядеть. Тёмная кожа, чёрные волосы, серая шаль – заметить Верити в сумерках непросто. Некоторые окна Дворца мерцают – это свет вечно горящего внутри огня. Остальные части здания погружены во мрак. Верити выходит под уличный фонарь и приветственно машет нам. Сквозь маленькую дверцу в боковой стене здания мы входим во Дворец правосудия. Церемония чтения имён проводится в небольшом зале неподалёку от главного – в Зале поминовения. Здесь всегда жарко, ведь совсем рядом бушует негасимое пламя.

В Зал поминовения ведут тяжёлые деревянные двери. Узкие высокие прорези окон как будто прячут нас от внешнего мира. Аромат благовоний и тепло обитых деревянными панелями стен вытесняют воспоминания о холоде и промозгом ветре снаружи. Мне всегда нравилось, как звучат здесь голоса. Читая имена, мы словно даём каждому новую жизнь. В этих стенах хранятся воспоминания о том, что более не видно глазу.

На деревянных табуретах сидят слушатели. Обычно стулья расставляют рядами, но посетителям разрешается передвигать их, ставить, как удобнее. Хорошо, когда на чтение имён кто-то приходит, – слушатели очень помогают мне сосредоточиться, напоминают о важности и красоте церемо-

нии, я стараюсь произносить с чувством каждое имя. Быть может, кто-то пришёл вспомнить как раз этого человека. Вход на чтение имён открыт всем жителям города. Прочесть за один вечер всю Книгу мёртвых невозможно, но идут дни, недели, месяцы и годы – и каждое имя на мгновение оживает, наполненное дыханием чтеца.

Сухой воздух режет глаза. Надеюсь, что не усну, выстою до конца. Зевать за чтением не положено: церемония очень торжественная.

Мама идёт первой, за ней Верити, я замыкаю нашу маленькую процессию. Поднимаясь на помост, наступаю на слишком длинный подол платья и чуть не падаю. Мама бросает в мою сторону грозный взгляд, а Верити сдерживает смех. Мы зажигаем новые белые свечи от почти догоревших. Необходимо поддерживать огонь, не дать пламени потухнуть.

Произносим вступительные фразы ритуала и начинаем читать имена.

Прародители наши, мудрые и любимые! Мы помним вас. Ваши мудрые мысли дали нам мир и справедливость, слова – знание и милосердие, поступки – безопасность и достаток. Мы чтим вас. Мы помним вас. Вдохните воздух жизни, ко-

гда мы произнесём ваши имена, явите нам вашу мудрость, укажите нам путь.

*Джеймс Пис
Исаак Адофу
Генри Чалис
Хоуп Майну
Ранган Сингх
Джейн Хендл...*

После каждого пятидесяти имён чтец говорит: «Мы помним вас», и другой чтец произносит следующие пятьдесят имён. За вечер мы проговариваем тысячу имён.

Папиного имени в Книге мёртвых нет. Пока нет.

Той ночью мне снится сон.

Я вижу зал поминовений, кто-то произносит моё имя, и я не понимаю, как это возможно, ведь я жива и здорова. Потом чтец берёт ручку, вычёркивает моё имя, смотрит мне в глаза и громко захлопывает Книгу мёртвых.

Глава девятая

Следующие две недели дни похожи один на другой. Сплю, повторяю школьную программу, делаю что-то по дому, занимаюсь вместе с Верити. В первый день экзаменов мама будит меня рано. Жутко не хочется вставать, в голове туман, я не привыкла выбираться из-под одеяла до девяти часов.

Неделя проходит в абсолютной тишине экзаменов. Меня это успокаивает. Приятно сознавать, что каждый твой день расписан по минутам, всегда известно, куда идти и что делать. На обсуждении портфолио рисунков экзаменатор задаёт сложные и запутанные вопросы, требует пояснить мой «женственный» стиль рисования и громогласно недоумевает, позволят ли мужчины, чтобы знаки им наносила девчонка. Я очень вежливо отвечаю что-то о том, как важно собрать команду чернильщиков с различными взглядами и техниками, но с трудом удерживаюсь от резкого ответа, и такое со мной далеко не впервые. Женщин среди чернильщиков очень мало – это правда, но папа всегда говорил, что отношение окружающих не изменится, пока мы сами не заставим его измениться.

Высыпаться я не успеваю, так что к концу недели страшно выматываюсь, и мысли куда-то улечиваются, прежде чем я успеваю их ухватить и додумать. На последнем экзамене – сдаём историю – я вдруг понимаю, что сижу, бездумно уставившись в пространство. Оглядываю просторный зал с высоким потолком, где я прослушала столько лекций и высидела столько собраний, и в голову лезут странные мысли. Был бы

жив папа, он встретил бы меня после экзаменов, мы пошли бы куда-нибудь, устроили маленький праздник. Папа всегда знал, как отмечать особенные и важные события. Но ничего этого не будет. Я просто вернусь домой и буду ждать маму. Может, приготовлю ужин. Без папы мы обе словно разучились праздновать, торжественно отмечать какие-то достижения.

С некоторым усилием возвращаюсь к экзаменационному листку. Остался последний вопрос. Читаю задание раз, другой и озадаченно оглядываю зал. Интересно, кто-нибудь ещё дошёл до этого странного вопроса? Но все головы склонились над партами, ручки стремительно скользят по бумаге.

Вопрос: Приведите три примера возможного образа жизни в Сейнтстоуне, если бы Указ о выселении пустых не был исполнен.

Этого вопроса в списке для подготовки к экзамену не было. Мы никогда не обсуждали ничего подобного на уроках. Есть что-то противозаконное даже в допущении, что можно жить рядом с пустыми, существовать с ними в одном городе. Похлопывая кончиком ручки по губам, пытаюсь вообразить, что за жизнь ожидала бы нас тогда.

1. Если бы пустые жили рядом с нами, наш образ жизни оказался бы под угрозой. Отмеченные знаками стремились бы к правде, справедливости и чистосердечию, а мысли пу-

стых и мотивы их поступков оставались бы скрыты от окружающих. В таком мире мы были бы уязвимы. История сохранила свидетельства агрессии пустых против отмеченных, логично предположить, что противостояние такого рода со временем только усилилось бы – пустые были убийцами по своей сути. Под угрозой оказались бы не только наша культура и вера, но и наши жизни.

Так, сойдёт. Не представляю себе жизни рядом с людьми, которых нет ни малейшей возможности узнать по-настоящему.

2. Общество было бы разделено. Бесконфликтное существование таких разных групп на одной территории едва ли возможно. Пустые, вероятнее всего, воспользовались бы открытостью отмеченных знаками, в то же время скрывая собственные жестокие намерения. Единство веры и законов необходимо обществу, чтобы поддерживать традиции и чтить предков. В отсутствие открытости, ясности намерений и взглядов взаимоуважение в обществе невозможно.

До Указа о выселении Сейнтстоун был во власти беспорядков и страха. Пустые в полной мере воспользовались нашей беспечной открытостью.

3. Согласно статистическим данным уровень преступно-

сти со времени исполнения Указа о выселении значительно снизился. Логично предположить, что, если бы пустые остались в Сейнтстоуне, наша жизнь была бы не такой мирной и безопасной. Сейчас жестокие преступления крайне редки, а грабежи, подкуп и вандализм, пороки, приводящие к упадку общества, эффективно предупреждаются благодаря политике нанесения знаков на преступников.

Кажется, придаться не к чему.

Время на ответы истекло. Закрываю тетрадь и кладу ручку на парту. Вот и всё. Осталось дожидаться оценки, от которой зависит моё будущее. Моя судьба.

Верити маячит у дверей зала. Я застаю над грудой школьных сумок, отыскивая свою, никак не могу толком набросить шаль. Довольная Верити сияет:

– Отличные задания, лучше и быть не могло!

– Неужели? А как тебе последний вопрос о пустых? – недоумённо спрашиваю я.

Подруга хмурится и качает головой.

– Какой вопрос? Я не... – Но тут её взгляд натывается на часы, и мысли меняют направление. – Ой, опаздываю! Ты не передумала? Может, пойдёшь с нами?

Родители Верити ведут её с Себом в кафе-мороженое. Она приглашала и меня, но что-то не хочется. Маме не понравится, если я отправлюсь праздновать что-то с чужой семьёй.

– Мне надо домой. Мама захочет узнать, как всё прошло.

Верити уходит навстречу родителям, исчезает в толпе взволнованных школьников. Она машет по пути знакомым и поправляет съехавший с плеча ремень сумки. Посмотришь на Верити – и кажется, что жизнь совсем простая штука. На меня вдруг накатывает грусть – детство кончилось, всё меняется. Поверить не могу, что мы с Верити больше не будем видеться каждый день в школе. Закрываю глаза и мысленно обращаюсь к пращурам с короткой молитвой: «Пусть наши судьбы останутся сплетёнными и в будущем. Пожалуйста».

С соседнего дерева к моим ногам с шорохом опускаются листья. Совпадение, конечно, но я вижу в этом знак. Листья станут моим талисманом, символом моей веры в будущее. Кладу их в карман, заправляю папин кулон под блузку и, плотнее закутавшись в шаль, отправляюсь домой.

Глава десятая

По дороге я никак не могу отделаться от мыслей о последнем вопросе по истории. Какой была бы наша жизнь, если бы пустые жили в нашем городе? Воображаю, как они идут по улице рядом со мной, пустые, ужасающе непостижимые, и вздрагиваю от этой картины.

В детстве нам рассказывают сказки, занимательные истории. Взрослые приукрашивают жизнь: легенды занимают место проверенных фактов, а сказки – исторических событий. Но когда-нибудь приходится взрослеть.

До сих пор помню день, когда я увидела подлинную сущность пустых. Поняла, что истории, которые считала лишь страшными сказками для непослушных детишек, оказались правдой.

Вряд ли кто-нибудь из нас забудет ту зелёную дверь в музее. Хотя, до тех пор пока я впервые не вошла в неё, я на эту дверь вообще внимания не обращала.

В детстве мы все читали сказки. Историю о несчастной «невидимке», проклятой Белой Ведьме, и её прекрасной сестре Мории и о том, какими разными путями они пошли по жизни: одна – пустая, другая – отмеченная знаками. Сестра злая и сестра добрая. Мы столько раз слышали эту сказку! А в школе на переменах даже разыгрывали сценки с главными

ми героями. Помню, мы с Верити спорили, кому достанется роль прекрасной сестры. Я любила воображать, что живу в лесной хижине и жду принца. Мы знали о существовании пустых, о том, что Белая Ведьма была первой из них, но пустые были для нас персонажами сказок, как гоблины или феи. Они были ненастоящими.

А когда нам исполнилось лет по девять или десять, в школе объявили, что мы всем классом пойдём в музей. В тот день царила какая-то необычная атмосфера, мы шли под морозящим дождём, воздух был будто заряжен электричеством. Учительница сдержанно попросила нас ничего не рассказывать об экскурсии младшеклассникам.

Весь путь до музея мы с Верити прошли, держась за руки и перешёптываясь.

Я до сих пор ясно помню, как всё было. Помню, как мы вытерли ботинки у входа и повесили плащи на крючки в гардеробе. Помню, что каменные плиты музейного пола всё равно намokли, а вслед за нами в здание ворвался холодный ветер. Помню, мы с Верити так и держались за руки, хотя в музее нам ничто не угрожало.

Нас подвели к зелёной двери, мимо которой мы столько раз проходили и никогда не задумывались, что за ней скрывается.

Правда без покрыва.

Покровы были сброшены полностью, был открыт каждый сантиметр кожи пустого. Неизвестного, безымянного, совер-

шенно нагого человека. Он лежал на спине, разжав ладони. Округлые локти уткнулись в стеклянные стенки. Грудь впалая, кожа слегка посинела от окружавшей его жидкости. Не удержавшись, я осмотрела его всюду. Глаза закрыты, рот полуоткрыт, словно готов вздохнуть, заговорить, закричать. Человек сохранён не в виде книги, а как экспонат – трофей, предостережение.

Пустой.

Мы стояли и смотрели. Стояли так близко, что могли различить замысловатые линии на подушечках пальцев или сосчитать волоски на бёдрах. Мы словно застали человека в ванной. Только перед нами был стеклянный резервуар, а человек лежал под водой.

Я стояла так близко, что могла рассмотреть всё, но ничего не видела. Не было ни одного рисунка, ни слова, ни знака. Лишь безмолвное тело. Его хранили как предупреждение – пустой, захваченный когда-то и помещённый в музей. Учительница объяснила, что только тот, кому есть что скрывать, станет хранить историю своей жизни в душе, а не на теле. Я представила, как секреты пожирают его изнутри, точно черви под кожей. Это тело было набито гниющей плотью, словно накрепко запертый ларец, хранящий постыдные тайны.

Охваченная внезапной волной паники, я взглянула на собственную руку, чтобы посчитать метки прожитых лет. Перевела взгляд на Верити и других одноклассников, с облегчением читая знакомые истории на каждом из них. Ни-

каких секретов. Только правда без покровов.

Остальные экспонаты в том небольшом зале свидетельствовали о жестокости пустых. Смотреть на них было мучительно. Стеклянные витрины отражали свет и раскрывали жуткую правду. Рядом с фотографиями на белых карточках были от руки написаны пояснения – свидетельства очевидцев, иногда встречались даже записи, собственноручно сделанные пустыми, их планы нападения на нас. Потом раздались взволнованные голоса мальчишек, они звали нас посмотреть на что-то особенное. Мы с Верити подошли к ярко освещённому ящику у дальней стены, и я прочла пояснение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.